

Лев Семенович Черной
Социальные факторы и риски экономического развития России
История и современность
Москва, ИКЦ "Академкнига", 2004, 246 с.:ил
Дайджест монографии

Аннотация

Рассмотрены основные социальные, властные и аппаратно-бюрократические факторы, оказывавшие решающее влияние на экономическое развитие России на различных исторических этапах. Проведен анализ эволюции социальной структуры российского общества в "кризисные эпохи", с точки зрения ее влияния на социальную и экономическую стабильность. Особое внимание уделено механизмам возникновения социальных кризисов и "революционных ситуаций", а также появления и численного роста социальных групп, участвующих в "революционных взрывах". Обсуждены модели возникновения локальных и общих социальных кризисов в Старой и Новой России, показан характер их влияния на хозяйственные механизмы и экономику в целом.

Для экономистов, социологов, широкого круга читателей, интересующихся проблемами социально-экономических реформ в России.

Во **Введении** автор формулирует задачу работы: наметить, на основе достигнутого в последнее время отечественной и мировой наукой понимания взаимосвязей между социальными и экономическими процессами, подходы к системному описанию ключевых социокультурных рисков и угроз, сопровождающих, в качестве важнейшего контекста, рыночное реформирование российской социально-экономической жизни. Автор подчеркивает, что этот контекст нужно рассматривать как с точки зрения унаследованных особенностей "исторической экономической памяти" России (ее народов и власти, действовавших в условиях определенной укладной структуры хозяйства), так и с точки зрения современных, в том числе неявных, социальных процессов, сопровождающих постсоветские экономические и политические трансформации.

В соответствии с указанным подходом, книга состоит из двух частей:

- Исторические особенности и социальный контекст развития российского рыночного хозяйства
- Социальные ограничители и риски российских экономических реформ

Часть I. Исторические особенности и социальный контекст развития российского рыночного хозяйства

Глава 1. Россия как историческая зона высоких конъюнктурных рисков

Необходимое условие возникновения развитого рыночного хозяйства – возможность длительного существования в условиях низких конъюнктурных рисков, связанных угрозой изменения политики власти, а также с опасностью крупномасштабных войн и нашествий.

1.1. Военно-политические риски

"Капитализм" и в ранних, примитивных его формах, и в развитых формах, – никогда не любил сильной концентрации власти.

Во-первых, для обществ монархического типа (с известным исключением европейских абсолютистских монархий в том виде, какой они приобрели в XVIII веке), характерна внутренняя нестабильность. При этом чем более примитивны культурные и экономические условия, тем более выражена способность "сильной" власти монархического типа генерировать кризисы. Типичные источники таких кризисов – борьба претендентов на престол, или смерть монарха, или даже просто смена фаворита у монарха.

Европейская история времен средневековья – это история непрерывных династических кризисов и внутренних конфликтов, часто принимающих военную форму. В этой ситуации развитое рыночное хозяйство могло возникнуть только в «очагах стабильности», которыми

оказались самоуправляющиеся средневековые города. Но и сама система таких городов могла возникнуть только при особых условиях: сочетании довольно высокого уровня экономического и культурного развития с репрессивно-управленческой слабостью политических образований феодально-монархического типа.

Во-вторых, накопление элементов и ресурсов экономического развития могло идти лишь в отсутствие разрушительных войн и постоянной военной опасности. Именно поэтому центры развитого рыночного хозяйства возникали зачастую в, казалось бы, совершенно неподходящих местах. Так, цивилизация Древней Греции возникла на земле, способной прокормить сравнительно немногочисленное население, но зато почти недоступной и для набегов кочевых орд, и для вторжений регулярных вооруженных сил соседних азиатских государств.

В еще менее подходящих условиях, на окраине пустыни, сложилось величайшее торговое государство древности – Карфаген. Гибельной для него оказалась не изоляция, не близость Сахары, а появление по соседству греческих городов-государств, а затем Рима. Начались непрерывные войны с усиливающимися соседями, и "Англия античности" была уничтожена. Местоположение Венеции, одного из главнейших центров средневекового капитализма, было невыгодно во всех отношениях, за двумя исключениями. Оно, во-первых, способствовало морской торговле и, во-вторых, в максимальной мере обеспечивало безопасность.

Голландское государство – первое из современных государств с экономикой рыночного типа – также создавалось в условиях, мало подходящих для хозяйственной производящей деятельности, но зато относительно безопасных для крупного торгового центра. Трансформацию Англии из государства феодального типа в гражданское общество с развитым рыночным хозяйством – нельзя представить вне ключевого фактора островного положения страны. Именно поэтому английский парламент мог предписывать своему монарху содержать (по крайней мере, в условиях мира и на английской территории) незначительную и дешевую армию. Наконец, американская цивилизация в ее современных формах стала возможной только потому, что территория США никогда не подвергалась крупным военным нападениям и разрушениям.

Россия, с точки зрения географического расположения, почти полный антипод перечисленных государственных центров, развившихся в "зонах долговременной безопасности". Она всегда была, напротив, зоной повышенной политической и военной опасности и, следовательно, высоких конъюнктурных рисков, связанных с этими обстоятельствами. Данная особенность не только тормозила развитие хозяйственной деятельности вообще. Она, в особенности, препятствовала развитию городов (которые слишком регулярно грабили и сжигали дотла), а в городах – ремесленного и, прежде всего, финансового сектора экономики.

При этом, когда военные риски были сравнительно невелики, города в России развивались в направлении автономизации от княжеской власти. Таким, в основном, было положение до XII века. И именно тогда Киевская Русь получила название "Гардарика" – страна городов. Когда же положение изменилось (в особенности после монгольского военного удара и образования Золотой Орды, в которую вошла Россия), после двух-трехкратного уничтожения в XIII столетии почти всех крупных городских центров, хозяйственное развитие подавляющего большинства регионов России было поставлено в условия фактической княжеской диктатуры (притом, что сами князья оказались в положении ленников Великого хана). Лишь Новгород сохранил относительно автономное экономическое положение, хотя и он был обложен данью. И, опять-таки, Новгород избежал тотальных погромов прежде всего потому, что был защищен от степняков своим географическим положением.

В Европе развитие городских автономий прекратилось в основном в XV веке, в связи с ростом разрушительной силы военных конфликтов и военных возможностей феодально-абсолютистских образований. Но это произошло уже фактически после того, как возникшее в городах и приобретшее зрелый и развитый характер рыночное хозяйство вышло за городские пределы и распространилось на большую часть территории Западной Европы. В этой ситуации такие процессы, как, например, трансформация Милана и Флоренции (наряду с Венецией и Генуей, самых крупных городских республик Италии) в XV веке в герцогства, – уже мало что могли изменить в общем течении хозяйственно-экономической эволюции Европы.

Отметим, что развитие средневековых городов и городского хозяйства в Западной Европе было достаточно специфичным и почти не имело аналогий в других регионах мира. Например, в наиболее "социокультурно близкой" к Европе Восточной Римской империи в XIV – XV веках императоры предоставляли монастырям и аристократии крупные налоговые, торговые и иные привилегии, позволившие им получить ключевые экономические позиции в византийских городах. В результате цеховые организации и городская буржуазия как основные акторы развития городов – в Византии так и не сложились.

В России же еще до формирования централизованного государства развитие эффективной рыночной экономики оказалось заблокировано. В Новгородской земле оно было заблокировано с конца XV века, после утраты ею автономии (которой она пользовалась в рамках Великого Владимирского княжения) и интеграции Новгорода Московским государством. Причем интеграции, сопровождавшейся выселением тех нескольких сотен боярско-предпринимательских фамилий, которые и создали за несколько веков из Новгорода "российский Карфаген".

"Приобретя абсолютизм", Россия отнюдь не приобрела внутривосточной стабильности. Два столетия после возникновения централизованного государства в России – это два столетия крайней военно-политической нестабильности и непрерывных политических кризисов, оказывающих самое пагубное влияние на условия развития российского рыночного хозяйства. Во время династического кризиса, последовавшего за смертью последнего Рюриковича царя Федора и достигшего апогея после 1606 г. ("смута"), количество населения в центральных уездах государства, то есть на территории Московского княжества сократилось в несколько раз. Кроме того, Москва была сожжена и как хозяйственный центр практически уничтожена.

Возникновение абсолютизма (при Иване III) не решило и проблемы внешних военных рисков. Москву в XVI веке (если не считать Кремля) степняки сжигали дважды – в 1521 г. и в 1571 г., причем в обоих случаях в Крым был выведен огромный полон. Государство было втянуто в водоворот оборонительных и наступательных войн, крайне затруднявших накопление элементов и ресурсов экономического развития и исключавших нормальное функционирование рынков.

Но даже в послепетровскую эпоху, в ходе усиления Империи, военный фактор продолжал оказывать мощное негативное влияние на развитие хозяйственной системы России. Принципиальная особенность здесь состоит в том, что войны государств, расположенных в "зонах военной безопасности" (Англия, затем США), как правило, в целом стимулировали развитие их хозяйственной жизни. А вот войны, которые вели континентальные государства Европы, оказывали в основном негативное влияние на их хозяйственное развитие. Это в полной мере относится к России. Полный и окончательный крах рыночного экономического развития имперской России был, по доказательным работам многих специалистов, в значительной мере прямым результатом Первой мировой войны.

Но этот крах имел безусловные корни в специфике географического положения России и необходимости нагружать экономику очень большими военными расходами. Так, еще в достаточно благополучном 1913 г. доля правительственных расходов, направляемых на оборонные цели, составляла около 50%.

Вторая мировая война велась СССР в условиях хозяйственной системы социалистического типа. Очевидно и широко известно, что влияние войны на хозяйственное развитие страны было огромно и разрушительно. Менее очевидно и известно, что война резко сократила перспективный потенциал эффективности рыночного хозяйства страны, что сказывается на российской экономике до сих пор. В большой степени – из-за порожденных войной социальных проблем.

1.2. Социальные конъюнктурные риски

В ходе Великой Отечественной войны в СССР погибло около 40% мобилизованных мужчин. Это создало в стране структуру населения с повышенным удельным весом женщин и надолго заблокировало процесс нормального демографического воспроизводства. Социально-экономической нормой стала малодетная семья при огромном числе незамужних женщин. Сверх того, здоровье (включая нормальную репродуктивную способность) значительной части населения оказалось подорвано.

В этой ситуации оказались социально абсолютно необходимы:

- а) полностью бесплатное медицинское обслуживание;

б) увеличение затрат на социальные цели вообще;

в) введение полноценных пенсий по старости (просто потому, что большинство населения после войны не могло создать семей с нормальным количеством детей, способных прокормить престарелых родителей).

Система соцобеспечения в СССР после войны была, прежде всего, способом компенсации населению военных потерь (и, отчасти, потерь гражданской войны и коллективизации). А еще более развитая система соцобеспечения в конце правления Хрущева, – в известной степени компенсировала населению и социальные издержки, понесенные в эпоху сталинизма. При этом необходимо подчеркнуть, что сам огромный масштаб этих издержек категорически требовал – просто для сохранения устойчивости общества – введения значимых социальных компенсаторов. Однако любая система социальных компенсаторов является, в целом, нерыночным фактором. И потому необходимость в масштабной системе таких компенсаторов в России – автоматически ограничивала сферу действия рыночных механизмов при переходе к рынку - независимо от того, когда и в какой форме он произошел.

Отметим, что еще в глубокой древности любая – и местная, и государственная – власть понимала, что социальная масса, производящая основной продукт, становится хозяйственно неэффективной или даже социально опасной, если ее "доводят до крайности". И потому осознавала, что имеет в отношении своих подданных-работников не только большие права, но и определенные (и достаточно строгие) обязательства. Так, рабовладелец в Древнем Египте, Карфагене или античной Греции – уже имел определенные обязательства перед своими рабами, что нередко указывалось в соответствующих законодательных сводах. При феодализме обязательства феодала перед своими крестьянами были весьма ясными и не подвергались сомнению. То же самое в полной (и еще более строгой) мере касалось монастырских крестьян. Так что задолго до появления первых вариантов "систем общественного призрения" и "трудового законодательства" – в хозяйственно-экономических практиках прошлого уже существовали и последовательно применялись определенные меры "социальной защиты".

Наличие такой системы компенсаторов – обязательное "нагрузочное" социальное условие эффективности современных рынков. Например, в США и во всех развитых странах существует система социальных льгот, еще более впечатляющая, чем в СССР. Причем эти льготы (в том числе участникам Второй мировой войны) были введены при наличии много меньшей объективной социальной необходимости, чем в свое время в Советском Союзе. Переход к модели "социального государства" был реализован, прежде всего, для того, чтобы резко понизить социальные риски (и общий уровень конъюнктурных рисков для рыночного хозяйства) и, тем самым, создать социальные предпосылки для устойчивого функционирования экономики.

В царской России проблема социальной устойчивости решена не была. Она даже не вполне осознавалась, что и привело, в конечном итоге, к революции. В ходе последовавшей за революцией гражданской войны в Советской России было не до обсуждения социальной устойчивости и социальных конъюнктурных рисков. Но уже сразу после гражданской войны правительство, понимающее взрывной потенциал разбухших революцией масс, начало уделять повышенное внимание социальным обязательствам перед работниками.

О том, почему создавалась мощная система социальной защиты после Великой Отечественной войны, сказано выше.

В Новой России в момент входа в рынок (что, по понятным причинам, неизбежно создавало социальное напряжение) сохранение системы социального обеспечения, включая большую часть субсидий коммунальному хозяйству, было абсолютной необходимостью для того, чтобы застраховать страну от социальных рисков на длительный период. Однако в действительности систему соцобеспечения начали сворачивать. Этому отчасти способствовали особенности менталитета большей части населения, у которого навыки к самоорганизации для сопротивления подобным мерам были полностью уничтожены в советские времена. Отсюда и возникла иллюзия, что Россию можно быстро и безболезненно перевести из режима высоких социальных расходов – в режим низких социальных расходов латиноамериканского типа. При этом полностью игнорировалось, например, то, что большинство территории Латинской Америки – в зоне тропиков, а Россия – в зоне весьма холодного климата.

В результате – безболезненного перехода не получилось. Сжатие социальной сферы на фоне острого кризиса (что практически никогда и нигде не делалось) – привело к фактическому бегству множества наиболее квалифицированных работников за границу. Свертывание социальной сферы автоматически усилило центробежные тенденции в весьма непрочном государстве. И оно, несомненно, одна из основных причин если не возникновения чеченского кризиса, то его длительности и остроты.

Однако основное значение имеет потенциальное влияние свертывания социальных расходов на будущую социально-политическую стабильность. Растущая масса обездоленных – крайне взрывоопасный материал, даже если он пока и не проявляется в массовых протестных акциях. Причем, поскольку "мотором" новых кризисов в стране станет, скорее всего, масса населения, вошедшая в сознательный возраст после 1991 г. и свободная от "советского" страха перед властью, – основные кризисы, с которыми может столкнуться Россия при продолжении "антисоциальной" политики, наиболее вероятны между 2007 и 2020 гг.

Если говорить о непосредственном хозяйственном измерении данного вопроса, то нужно напомнить, что цикл "производственные инвестиции – амортизация – получение прибыли в объемах, оправдывающих инвестиции" – для крупных проектов составляет не менее 15 лет. Ясно, что в рискованных социально-политических обстоятельствах склонность частного российского и зарубежного капитала финансировать крупные долгосрочные проекты в России становится, по меньшей мере, сомнительна.

1.3. Конъюнктурные риски "властно-элитного фаворитизма"

Одной из основных причин постоянного наличия в России высоких хозяйственных рисков является то, что власть в стране, начиная с возникновения Московского царства, всегда была ориентирована на обслуживание относительно немногочисленных "элитных" социальных групп.

В XVI – первой половине XVII веков этой "обслуживаемой государством" элитой были, в первую очередь, помещики (получавшие доход с обязанных их содержать крестьян, тогда еще не числившихся собственностью помещиков). Кроме них, во второй половине XVI века в число "бенефициаров" российской власти входит английская "Московская компания", а затем и ее голландские конкуренты.

Здесь следует подчеркнуть последовательность событий: сначала Московская компания берет на себя обеспечение всех внешнеторговых связей государства, а вскоре следует разгром Новгорода, который тогда был основным "окном" России в Европу. Именно так с середины XVI по середину XVII веков российский торговый класс был "с головой" выдан английским и голландским конкурентам. В этот период он не развивался, а деградировал, и в результате оказался около 1649 г. где-то на уровне эпохи Ивана Калиты (первая половина XIV века).

Согласно распространенным ныне представлениям, это было нормально, и российские купцы должны были "конкурировать" с английскими и голландскими собратьями. Но как раз конкурировать они не могли.

Во-первых, по причине отсутствия доступа к производителям импортных товаров западного происхождения (при полной невозможности, в силу фактора технической отсталости, налаживания их производства в России).

Во-вторых, западные компании имели в своем распоряжении крупные кредитные источники финансовых ресурсов, а в России таковых в то время просто не было.

В-третьих, правовая защищенность английского или голландского купца была много выше, чем у купца российского (последний ее фактически не имел).

В-четвертых, со слабо организованным, разобщенным российским купечеством конкурировали не английские купцы, а Московская компания, с ее огромными финансовыми ресурсами и мощной политической поддержкой со стороны английского правительства. Причем в условиях, когда, по причинам политического характера, московские государственные власти длительное время капитулировали фактически перед любым английским нажимом.

Одним словом, в ту эпоху на рынках ключевых товаров России "конкурировали" мощные торговые ТНК (английские и голландские), с одной стороны, – и слабосильные индивидуальные российские предприниматели, с другой. Описанная система внешней торговли оказалась настолько убыточной для казны, что во второй половине XVII века ее ликвидировали. Но потери в

сфере развития собственного рыночного хозяйства, вызванные практикой открытия внутреннего рынка для иностранных конкурентов и репрессивной политикой в отношении собственных агентов рынка (включая разгром Новгорода), разумеется, не были компенсированы.

Рядовой купец в России XVI-XVII веков сталкивался еще и со ставкой правительства на "уполномоченных предпринимателей", выступающих, при необходимости, в качестве агентов правительства. Это так называемые "гости" (в середине XVII века – около 30 человек) "гостиной" и "суконной" сотен. Кроме того, в аналогичной роли часто выступали иностранные купцы. В дальнейшем эта система трансформировалась в систему уполномоченных предпринимателей, работавших на казну и на экспорт и тесно связанных с правительством (достигшую расцвета при Петре I), а также в систему откупов. Последняя сохранялась вплоть до царствования Николая I.

Но несомненными фаворитами власти в самодержавной России все же оставались помещики. В 1649 г. Уложение, принятое Земским собором, навсегда закрепляет крестьян за помещиками и вотчинниками, а при Петре I разница между поместьем (помещик до этого пользовался поместьем, но оно было государственной собственностью) и вотчиной (частной собственностью) была полностью стерта. В конечном счете, были приватизированы и крестьяне, и земля. Мотивировалось это, разумеется, интересами "службы" и государства (как сейчас многие неэффективные властные хозяйственные начинания мотивируются "потребностями рынка и развития экономики"). Результатом приватизации крестьян и земли был рост социальной нестабильности и серия острейших социальных и политических кризисов.

Но уже Петр III отказался от обязательной службы помещиков ("Указ о вольности дворянской"), а Екатерина II закрепила такое положение. В то же время, государству приватизация земли и крестьян помещиками не дала фактически ничего. По существу, это была чистая уступка корпоративному элитному интересу.

Аналогичные уступки многократно делались и после ликвидации крепостного права. Вплоть до начала XIX века и даже позднее в разных формах возрождалась система "уполномоченных предпринимателей". И постоянно же делалась ставка на иностранный капитал, которому отдавалось предпочтение перед отечественным. Так, при графе Витте и его преемниках экономическая политика государства была подчинена, прежде всего, задаче привлечения иностранного капитала, тогда как собственные "поданные" ставились в явно худшие условия. Примером чему является и сохранение законодательства о крестьянах, ставившее их в особые невыгодные условия хозяйствования, и сохранение режима "черты оседлости" (и в политическом, и в экономическом плане бессмысленное и вредное, что было, в конце концов, окончательно признано только во время Первой мировой войны).

Во время Первой мировой войны политика российской власти изменилась по адресу, но не по содержанию. Теперь правительство пыталось фактически подкупить промышленную буржуазию, обеспечивая ей по военным заказам фантастические прибыли (впрочем, в каком-то смысле сходная политика "подкупа" промышленной буржуазии проводилась и ранее – в XIX веке, во время Крымской войны). Причем необходимо отметить, что эту политику отчасти унаследовала и советская власть (фактический подкуп льготами и привилегиями номенклатуры). И, к сожалению, эта же политика обеспечения экономических интересов узких групп населения (заметим, что объективно даже не долгосрочных, а краткосрочных интересов), невзирая на социальные риски, – вновь начала использоваться после 1990 г.

При этом со временем в системе основных корпоративных "фаворитов" нынешних российских реформ происходили определенные изменения. В 1989-1991 гг. это были кооператоры и директора предприятий. Затем ими стали крупные приобретатели приватизируемых активов (соответственно, ваучерная приватизация была проведена так, чтобы максимально сбить стоимость ваучеров). Затем в "фавориты" вышли отечественные и зарубежные приобретатели государственных ценных бумаг, прибыльность которых была настолько велика, что относительно небольшой их выпуск обанкротил государство. В течение всего периода после 1985 г. ими были экспортеры и иностранные инвесторы спекулятивного капитала.

Сегодня явные "фавориты" – экспортный сектор отечественной экономики и ТНК.

Что дело обстоит именно так, показывают планы форсированного вступления России в ВТО, настойчиво предлагаемые правительством. Заметим, что они "продавливаются" властью в

условиях полной неспособности экономики России функционировать в открытом режиме (что и показал опыт последних 10 лет). При этом проблема вероятных будущих социальных и экономических рисков вновь игнорируется. А к ним в последнее время добавляются и растущие внешнеполитические и внешнеэкономические риски.

1.4. Внешнеполитические и внешнеэкономические конъюнктурные риски

Уровень таких рисков не уменьшается. И, прежде всего, потому, что, после распада СССР и резкого снижения совокупных потенциалов России, в современном мире существуют только два реальных крупнейших силовых и экономических центра – США (с их инструментом в виде НАТО) и Китай. А Россия оказывается политически, экономически и географически в промежуточной зоне между ними.

Любой внимательный наблюдатель видит, что наша страна пытается двигаться в этой зоне крайне осторожно. И даже сам этот факт показывает, что мы снова оказались в зоне высоких внешнеполитических рисков (как это бывало в истории России, когда военный аппарат и хозяйственный потенциал России существенно ослабевал). Но это же видит и внимательный западный наблюдатель! На Западе открыто обсуждаются планы раздела России на сферы влияния, или просто политического раздела, открыто публикуются соответствующие карты, на которых вместо России показаны несколько будущих "независимых государств". А ситуация, когда в уважаемых журналах для деловой элиты спокойно обсуждается вопрос о "мире без России", – разумеется, оказывает очень сильное влияние на международное предпринимательское сообщество и на его склонность к экономическому сотрудничеству с нашей страной.

При этом следует отметить, что наше вступление в ВТО не создает никакой принципиально новой экономической реальности в отношении России с Европой и США (поскольку Россия и так почти полностью экономически открыта на Запад). Однако оно создает принципиально новый потенциал открытости в отношении КНР. После вступления России в ВТО острая конкуренция российских субъектов рынка с китайскими – становится неизбежной. Но при этом вся крупная промышленность в Китае – государственная (более того – жестко и эффективно планируемая), за китайскими субъектами рынков стоит сверхмощная инвестиционная система Китая, кредитующая реальный сектор, конкурентный потенциал экономики Китая колоссален и непрерывно растет, а российский – незначителен и неуклонно падает. Ряд экспертов утверждает, что в этих условиях становится вполне вероятным весьма быстрое экономическое поглощение ключевых сегментов экономики России Китаем – в целом или по частям.

Такова ситуация с рисками, влияющими на рыночную систему России в целом. С точки же зрения отдельного предпринимателя (субъекта рынка) – ситуация еще хуже. Хуже хотя бы потому, что "частная" финансовая устойчивость этого отдельного предпринимателя – безусловно, ниже, чем рыночной системы. Источниками конъюнктурных рисков для него являются:

- правовая необеспеченность хозяйственного положения, взятки и поборы чиновников;
- отсутствие личной и деловой безопасности, в том числе, из-за роста криминала;
- высокая вероятность резких изменений условий хозяйственной деятельности в результате непредвиденных акций власти;
- наличие протезируемых властями конкурентов;
- организационное и техническое (в широком смысле слова) превосходство этих конкурентов, к тому же располагающих мощными источниками кредита;
- слабость и неустойчивость внутреннего спроса при глубоко дискриминационном режиме деятельности на внешних рынках.

Нельзя сбрасывать со счетов и крайне важные для функционирования и развития российского хозяйства специфические факторы. Прежде всего, климатические (зона рискованного земледелия, очень высокая доля непроизводительных "климатических" затрат энергии, сырья и продукции) и географические (гигантские расстояния между рынками и сегментами рынков).

Таким образом, в течение более чем тысячелетия, со времен Хазарского каганата и даже раньше, рыночное хозяйство России развивалось в условиях перманентно высоких совокупных хозяйственных рисков. В своем развитии оно многократно отбрасывалось назад (1917 г. и 1991 г. в этой цепи – лишь наиболее близкие к нам исторические хозяйственные переломы). А периодически – просто уничтожалось (крах Хазарского каганата, монгольское завоевание,

уничтожение Новгорода, смута начала XVII века, 1917 год). Но и сегодня Россия не вышла из зоны острых социальных и политических рисков. И эта историческая особенность нашей страны является очень важным принципиальным обстоятельством, во многом задающим или даже диктующим условия становления рыночной экономики.

Глава 2. Социокультурные условия и эволюция российской системы укладного полиморфизма

2.1. Экономическая значимость фактора укладного полиморфизма и его "неизбежность"

Достаточно распространенный подход состоит в отождествлении качества экономики с качеством преобладающего социально-экономического уклада: рабовладельческого, феодального, рыночного, административно-командного типа. Однако реально в "рабовладельческой" формации (по Марксу) экономическое и социальное значение рабовладения всего лишь выше, чем в "феодальном" обществе (и, тем более, в "капиталистическом" обществе). В "феодальном" обществе значение "феодального уклада" (с характерными системами личной зависимости) – больше, чем в "рабовладельческом" и "капиталистическом" обществе. А при "капитализме" – значение "капиталистического" уклада больше, чем в рабовладельческом и феодальном обществе. Но при этом даже из "социалистического" общества "капиталистический" уклад вытеснить целиком не удалось, как не удалось полностью заменить рыночные отношения – административно-командными.

Реальное общество, реальное социально-экономическое целое – это всегда система укладов и субукладов. И при этом совсем не обязательно, чтобы в этой системе какой-то определенный уклад безраздельно "господствовал". Например, для развитых обществ Средиземноморья времен античности была характерна комбинация из рабовладельческого уклада и капиталистического уклада с преобладанием элементов торгового капитализма. Но при этом, например, в Иудее рабство не имело существенного хозяйственного значения в силу религиозных запретов на сверхэксплуатацию рабов. Карфаген вошел в мировую историю не как центр рабовладения, а как великий торговый город с высокоразвитым финансовым хозяйством и развитой же системой работы на рынок (правда, базирующейся преимущественно на рабском труде). Афины с колониями – мало чем отличались от Карфагена. То же сочетание торгового капитализма и рабовладения, то же наличие колоний и развитого денежного обращения, то же преобладание социальных элементов, вовлеченных в систему рыночного капиталистического уклада.

Великий противник Карфагена и Афин, Рим, даже на ранних этапах своего государственного развития давал ту же картину. Разница состояла, прежде всего, в значительно более высоком удельном весе в римском хозяйстве мелкого землевладения. Однако уже в период войн Суллы, Помпея и Цезаря роль финансовой аристократии в римской государственной системе была существенно больше, чем землевладения. А вне цивилизационной ойкумены Средиземноморья тогда же доминировала "азиатская" комбинация из зависимого населения, крупных торгово-промышленных центров и чрезвычайно развитой системы государственного хозяйства, для обозначения которой Маркс изобрел термин "азиатский способ производства".

Укладный полиморфизм – постоянная черта всех более или менее крупных государственных образований с глубокой древности. Характерно, что "лидер капитализма" – Англия (с системой колоний и зависимых территорий), а затем Британская империя – предьявляла с XVIII до первой половины XX вв. картину максимального укладного полиморфизма. Во времена Смита и Рикардо Англия была классическим капиталистическим государством, а в ее колониях процветало рабовладение (причем в XVIII веке вклад основанной на рабском труде экономики Вест-Индии в финансовое могущество Англии был едва ли не определяющим). До промышленной революции Англия с зависимыми территориями в экономическом отношении стояла на двух "китах" – торговле и рабовладении, а в социальном отношении на трех "китах" – укладных системах торгово-финансового капитализма, рабовладения и крупного землевладения. Причем влияние чисто феодальных элементов хозяйства на политическую жизнь Англии до последней попытки реставрации Стюартов (1745 г.) – было много больше, чем в России в XVIII и даже в XVII веке.

Ликвидация Британской империи отнюдь не устранила систему укладного полиморфизма. С 30-х годов XX века, происходило быстрое наращивание значения в социальной и экономической жизни Англии уклада, связанного с системой государственного финансового и нефинансового хозяйства. А после появления значительной диаспоры "цветного" населения – в укладную систему Англии начали все прочно встраиваться специфические "иноцивилизационные" субукладные элементы, с их особыми сферами занятости, демографической динамикой и другими отличиями.

До гражданской войны 1861-1865 г.г. социальная и хозяйственная система США базировалась на двух укладах – рабовладельческом и "капиталистическом". Первый доминировал в южных Штатах, второй – в северных. (Заметим, это – "классический" пример, когда различные уклады доминируют в разных частях одного государства). Ликвидация рабовладения лишь ненадолго повысила степень укладной унификации американской хозяйственной системы. Результатом "реконструкции" Южных Штатов, проведенной победителями-северянами, стала существенная дезорганизация экономики Юга и формирование там застойного аграрного общества с преобладанием крупного землевладения. А принятие "закона о гомстедах" способствовало чрезвычайному укреплению в США позиций мелкого землевладения, которые были постепенно подорваны лишь во второй половине XX века. Пожалуй, ни в одной развитой стране мира мелкие фермеры не оказали столь значительного влияния на сферу экономического законодательства, как в США. Так, к концу 30-х годов XX века сельское хозяйство США было в существенной степени выведено из сферы действия рыночных сил.

Крах рабовладельческих штатов ускорил развитие особого социального и хозяйственного уклада, сформировавшегося еще в первой половине XIX века на новоосваиваемых территориях. Характерной его особенностью стало функционирование социального механизма в основном за пределами общегосударственного правового поля. В течение всего XIX века часть американской территории накрывалась правовым полем, а часть – нет. И в недрах этого процесса проявилась тенденция к формированию особого внеправового хозяйственного уклада криминальной и субкриминальной экономики.

После Гражданской войны в США возник еще один специфический субуклад – система крупных корпораций-трестов. Место конкурентных отношений в ней заняли соглашения (в основном негласные) о ценах, дележе рынков и т.д. Однако интеграция крупными корпорациями мелкого и среднего бизнеса – также не привела к формированию в США унифицированного экономического уклада. Во-первых, малый и средний бизнес интегрировался не только с системой крупных корпораций, но и с системой "серой" и "черной" экономики. Во-вторых, по мере роста экономического значения крупных корпораций – увеличивалось и значение теневой экономики как таковой. Последняя превратилась (подчеркиваем, что речь идет именно о США) в своеобразный экономический уклад (субуклад). Развитие этого внеправового хозяйственного уклада получило особенно мощный толчок после введения так называемого "сухого закона".

Сегодня в США модно предъявлять России всевозможные претензии по поводу экономической преступности. Но в действительности – ничего подобного американской организованной преступности периода ее расцвета (то есть времен 20-х – 80-х годов XX века) в России не было и (пока?) нет. И хотя о криминальном хозяйственном субукладе в США говорить сегодня не принято, в то же время, нет никаких признаков того, что наркобизнес в США в недалеком прошлом или сейчас сократил свой обороты. На этом примере можно видеть, что криминальная хозяйственная система может быть очень устойчивой, и что экономическая либерализация может не препятствовать, а способствовать её развитию. По американским оценкам, на рубеже 1980-х годов доля крупного бизнеса в ВВП США составляла 30–40%, а доля теневой экономики в ВВП была от 14% до 23%.

Далее, параллельно росту системы крупных корпораций – увеличивался и удельный вес в экономике государственного хозяйственного уклада. А кроме этого, начиная с 30-х годов XX века, крупные размеры приобрел специфический экономический субуклад "чистых потребителей государственных экономических благ", или государственных иждивенцев (безработные, пенсионеры и т.п.). Наконец, в качестве своеобразного экономического субуклада можно, видимо, рассматривать и военно-экономическую деятельность. Которая в США, в особенности после

Второй мировой войны (в эпоху ракетно-ядерного оружия), превратилась в стабильную и мощнейшую экономическую (а значит, и политическую) институцию.

Классическая экономическая теория и ее современные варианты, чаще всего, рассматривают рыночную экономику как однородную в системном смысле среду. В действительности любое рыночное хозяйство, безотносительно к внешним регулирующим воздействиям на него, всегда есть сложная система укладов и субукладов с их спецификой экономических трансакций рыночного и нерыночного характера. В общем случае между экономическими укладами действуют отношения дополнительности (хотя часто и отношения конкурентности). Таким было положение в древности, и в Средние века, и при Адаме Смите. И таким же оно является ныне.

При этом укладная структура рыночного хозяйства в общем случае вовсе не упрощается и не унифицируется с повышением его либерализованности и приватизированности. Поэтому свойства любой экономики в любой момент определяются не только показателями ее либерализованности и приватизированности, но и спецификой системы составляющих ее укладов и субукладов. И, соответственно, определенным спектром укладообразующих факторов, часть из которых носит, по преимуществу, внеэкономический (прежде всего, социокультурный) характер. Более того, свойства данной экономики в любой момент являются, видимо, прежде всего, функцией исторического развития и взаимовлияния укладообразующих факторов, действующих в конкретном социальном и географическом пространстве. И потому для понимания специфики нынешней экономики России требуется анализ и учет как действовавших ранее, так и имеющих место в сегодняшней момент укладообразующих факторов.

2.2. Эволюция и социокультурная преемственность системы экономических укладов в России

2.2.1. Специфика системы экономических укладов Хазарского каганата как предшественника Российского государства

Хозяйственная территория Хазарского каганата заключала в себя пространство между Волгой и Днепром, современное Предкавказье и примыкающую к Волге с Востока полосу. Как и для многих государственных образований Средней и Центральной Азии в период политического доминирования кочевых империй, для каганата была характерна комбинация кочевого хозяйства, оседлого земледелия и торгово-ремесленной системы, а также наложенного на эти "первичные" уклады "перераспределительного" государственного хозяйства.

В каждый данный момент "степь", то есть система кочевого хозяйства, могла прокормить лишь небольшое население. Но политическая устойчивость государств типа Хазарского каганата и позднее Золотой Орды – непосредственно зависела от их военной мощи. А военная мощь определялась, прежде всего, численностью кочевого населения и, следовательно, способностью государства перераспределять ресурсы в его пользу. Такие государства, мобилизуя (посредством налогообложения в натуральной и денежной форме) ресурсы вне системы кочевого хозяйства (прежде всего, дань от подвластных народов и территорий), поддерживали и наращивали свою военную мощь. Уровень этой мощи в такой укладной взаимозависимости, в свою очередь, прямо и непосредственно определялся масштабами "подданных" территорий и их населения.

Заметим, что классическая рыночная теория рассматривает исключительно экономическую систему, в которой хозяйственные риски не связаны с уровнем государственных расходов (последние для этой теории являются чистым нагрузочным фактором экономики). Однако в условиях таких систем, как Хазарский каганат или империя Чингизидов, территория которых была открыта для внешних военных вторжений, перераспределительная эффективность государственной системы была практически единственным экономическим механизмом, способным свести до разумных значений хозяйственные риски для всего (и кочевого, и оседлого) населения. На практике хозяйственная деятельность в образованиях, подобных Хазарскому каганату, всегда связана с высоким уровнем рисков, причем в числе этих рисков – и сама политическая конструкция с характерной для нее слабостью системы нормативных "тормозов" в отношении произвола власти.

Все это ограничивало возможности накопления эффектов развития в хозяйственной системе каганата и автоматически лимитировало рост торгово-ремесленной сферы и рыночных трансакций. Кроме того, развитие хозяйственной системы Хазарии было существенно подорвано

войнами каганата с Багдадским халифатом, когда арабские армии проникали на территорию каганата вплоть до современной Самары. Тем не менее, контроль над Волжским водным путем удерживался каганатом еще в середине X века: в 964 г. вятичи по-прежнему платили дань хазарам. Известный поход Святослава в 965 г., безусловно, нанес существенный ущерб экономике каганата. Но причиной его гибели стало перемещение с Востока на Запад в X веке новых масс азиатских кочевников – половцев (кыпчаков). Гибель каганата под ударами половцев датируют первой половиной XI века, а ее результатом был полный упадок к концу XI века значения Волги в качестве крупного торгового пути. Это значение в полной мере восстановилось только в XIV веке.

История Хазарского каганата (как и многих других государственных образований Средней и Центральной Азии) показывает, что развитие системы хозяйственных укладов в направлении формирования рыночной системы того типа, который сформировался в Европе в XIII – XIV веках (а в Суньском Китае в XI – XIII веках), – может катастрофически прерываться действием внесистемных факторов. И, более того, может сменяться процессами регрессивной трансформации всей укладной структуры за счет усиления позиций более примитивных укладов и "вымывания" из экономики наиболее перспективных "рыночных" укладов.

В Европе такого рода тотальная регрессивная трансформация системы хозяйственных укладов имела место только однажды – в период краха Западной Римской империи и возникновения системы варварских королевств. Причем западные историки и экономисты указывают, что эта регрессивная трансформация сказывалась на хозяйственном развитии Европы много столетий, а в некоторых регионах сказывается и поныне. Однако на территории бывшего СССР и на примыкающих территориях Центральной и Южной Азии и Китая регрессивная трансформация системы хозяйственных укладов в последние два тысячелетия проявлялась многократно. Причем под влиянием как внесистемных, так и внутрисистемных факторов – внутренних политических и социальных кризисов. И такая специфика хозяйственной истории – просто не может не сказываться и на социально-политической динамике, и на современных стилях массового хозяйственно-экономического поведения.

2.2.2. Динамика социальной структуры и хозяйственных укладов Древнерусского государства

Одним из крайне важных, сложившихся еще в дохристианские времена, социокультурных факторов эволюции хозяйственно-экономической деятельности на Руси стало развитие специфической территориально-соседской общины, как основной формы социальной и хозяйственной организации практически всего деятельного населения.

Хозяйственная жизнь в лесной и лесостепной зоне, которая стала основным ареалом расселения "проторусских", базировалась в основном на натуральном или почти натуральном хозяйстве, в основные отрасли которого входили земледелие на освобожденных от леса участках, скотоводство, охота, рыболовство, собирательство, бортничество. Глубина хозяйственной зависимости от торговли была крайне невелика, роль товарно-денежных отношений ничтожна, уровень социального расслоения по имущественному признаку незначителен. Но, в то же время, описанная специфика существования, с учетом сурового (по сравнению с большинством исторически сосуществовавших цивилизационных ареалов Евразии) климата и низкого природного воспроизводственного потенциала территории, практически не оставляла шансов на выживание в индивидуальных или узкосемейных социальных формах.

Большие пространства со сравнительно низким "потенциалом грабежа", где оседлое трудовое население не испытывало ни мощного конкурентного давления со стороны "безземельных" соседей, ни серьезной опасности от грабительских набегов, создавали предпосылки для устойчивого самовоспроизводства обрисованной укладной системы. Заметим, что даже взаимная ассимиляция восточнославянских и финно-угорских элементов не оставила никаких исторических свидетельств серьезной межплеменной и межгрупповой конфликтности. Богатство как социальный фактор в этих условиях оказывалось "малофункциональным" как в статусно-ролевом смысле, так и в смысле обеспечения индивидуального или семейного уровня жизни. И потому достигательные мотивации "приобретательского" характера либо не имели серьезного социального и экономического значения, либо, нередко, просто репрессировались общиной, поскольку угрожали ей расслоением и распадом. Можно даже предположить, что

именно эти унаследованные социокультурные стереотипы ведения хозяйства в далеком будущем в какой-то мере трансформировались в массовое распространение религиозного "нестяжательства".

Будучи расположены вдали от "набеговых зон" номадических империй раннего средневековья, ареалы расселения "проторусских" племен не могли не закреплять в этнокультурной традиции и не включать в менталитет, сакрально-обрядовые и бытовые стереотипы – именно такой тип общинного существования.

Отметим, что в южной, степной зоне Древней Руси данный тип укладной и этнокультурной структуры хозяйствования постоянно подвергался испытанию и "размыту" в результате нарастающего дефицита пахотных земель, быстрого становления племенных властных иерархий и набегов степняков. Большую роль в его ослаблении играла и необходимость производства прибавочного продукта для дани, которую требовалось платить возникающей собственной раннекняжеской власти или захватчикам-победителям. Но в северной полосе расселения проторусских – данный социокультурно-укладный тип длительное время (вплоть до создания относительно централизованной "варяжской" княжеской государственности, а кое-где до эпохи монгольского завоевания или даже позже) сохранялся без масштабных изменений.

Исходное состояние древнерусской хозяйственной системы – примерно такое же, каким оно было у древних германцев во времена Тацита. Частная собственность на землю – отсутствовала. Ее заменяло устанавливаемое по обычаю (или, реже, силой) право пользования землей данной родовой общиной или племенным союзом. С этого же начиналось развитие государственной хозяйственной системы и на Руси. Князья определяли размер дани и разверстывали ее по "подданным". Затем создавался (тогда еще примитивный) аппарат для сбора дани.

Появление на Руси централизованной государственности, а также весьма жесткая историческая динамика набегов и завоеваний (вплоть до монгольского завоевания в XIII веке) весьма сильно подействовали на укладную структуру хозяйства на Руси.

Во-первых, в качестве убедительной конкурирующей укладной альтернативы в полной мере проявился и устойчиво воспроизводился привнесенный из Степи "набегово-абреческий" присваивающий субуклад. Заметим, что отряды киевских князей (в особенности после разгрома Хазарии половцами и Святославом) – также достаточно часто используют эту "форму хозяйствования" в ходе набегов на Степь, Византию или владения друг друга.

Во-вторых, необходимость выплаты дани князьям либо победителям-захватчикам – резко повышает требования к уровню товарности ведущегося хозяйства. Собственное выживание и воспроизводство при одновременном отчуждении дани вызывает потребность в существенном увеличении производительности труда – в первую очередь, за счет более совершенных практик землепользования и орудий. Эта потребность не могла не вызвать расширения торговых связей с центрами производства таких орудий (прежде всего железного земледельческого инвентаря).

В-третьих, как "открытие" локальных общин остальному миру в результате становления государственных институтов и набегов, так и потребности товарного обмена с дальними и ближними соседями, – не могли не вызвать к жизни активного развития меновых, а затем и товарно-денежных отношений. И – развития соответствующего "торгового уклада".

В-четвертых, нарастание потребностей в полноценном обеспечении становящейся государственности, с одной стороны, и расширяющегося продовольственного крестьянского хозяйства с другой стороны, а также сопутствующей торговой системы, – не могли не форсировать создания городского хозяйства с его промышленно-ремесленным укладом и субукладами зачаточной "сферы обслуживания".

При этом нужно заметить, что в Киевской Руси властный слой общества играл не сугубо военную, а "военно-промышленную" роль. Как пишет Ключевский, "составляя военно-правительственный класс, княжеская дружина в то же время оставалась еще во главе русского купечества, из которого выделилась, и принимала деятельное участие в заморской торговле"

Сумма описанных процессов, с учетом параллельных процессов этнического взаимопроникновения Руси и Степи, приводила к постепенному разложению, трансформации и нередко даже распаду первичного (патриархального) территориально-общинного уклада, а также к социальному расслоению первичной общины. Из общины выделялись наиболее активные группы, перед которыми возникала "внеобщинная" социальная перспектива. Например, служба князю в

дружине или сборе дани, организация и реализация системы торговых связей; создание, на основе усвоения чужого опыта, производства необходимых орудий труда, и пр.

Однако при этом община, постепенно трансформируясь, почти повсеместно сохранялась. А христианизация Руси, будучи достаточно постепенной, не только частично инкорпорировала старые родоплеменные языческие верования, но и, в силу ряда особенностей византийского Православия, не слишком значительно сказывалась на трудовой этике и стилях хозяйствования, а также на социальной организации древнерусского "мира". Пожалуй, главными социально-психологическими результатами принятия Православия стали:

- наложение на общинное и племенное единство более общего, религиозного, единства;
- частичное открытие общинных миров Большому миру через христианскую проповедь;
- постепенное проникновение (через взаимодействие религии и власти) во все слои общества принципов иерархической организации;
- постепенная трансформация правовой сферы от племенного обычного права к унифицированному праву, освященному авторитетом Писания и Святых отцов.

Необходимо особо отметить, что социально-экономическому развитию Древней Руси в течение нескольких столетий серьезно препятствовала практика перехода князей "со стола на стол", то есть из княжества в другое княжество. А эта практика порождалась тем, что Русь считалась собственностью не какого-то отдельного князя, а всей разраставшейся княжеской семьи. Пока существовал такой порядок, условия для развития вотчинной системы собственности и хозяйствования были неблагоприятны. Положение изменилось лишь в XII веке, когда установилась общепринятая в большинстве других цивилизационных ареалов (и в Европе, и в Азии) система передачи княжеских столов от отца к сыну. И потому же Россия стала сначала "страной городов", а только затем "страной вотчин". Новгород уже был Великим Новгородом, а князья еще пересаживались со стола на стол. Причем эти пересаживания продолжались, хотя и в меньших масштабах, даже в XIII веке, до монгольского нашествия.

Система "ротации" князей, действовавшая в полном объеме в X-XI веках, способствовала (поскольку речь идет о ее влиянии на хозяйственную систему), двум важным тенденциям: развитию самоуправления и хозяйства в крупных городах (крайним примером в этом отношении является Новгород), а также замедлению развития вотчинного землевладения князей и бояр. При этом она же препятствовала развитию системы пользования доходом с поместья в обмен на службу, и развитию системы государственного хозяйства в целом. Но эта же система делала практически невозможной эффективную борьбу с набегами кочевников. Что, в свою очередь, препятствовало масштабному освоению богатых южных черноземов и способствовало постепенному перемещению экономического центра Древней Руси на Северо-Восток, в междуречье Волги и Оки.

Но, в то же время, ликвидация системы перехода князей со стола на стол – на практике означала "приватизацию" отдельных территорий малыми княжескими семьями и ликвидацию государственного единства Древней Руси. Во-первых, это событие оказало в целом негативное влияние на развитие городов, как центров наиболее передовых рыночных (в том числе торговых) укладных новаций. Приватизация (и неизбежная частичная изоляция) княжеских доменов сократила объем торговых связей (хорошо известные неблагоприятные эффекты локализации рынков). Во-вторых, способность Руси противостоять военному нажиму со стороны ее кочевых соседей оказалась еще ниже, чем во времена "фамильного" княжеского владения. Что и выявилось в полной мере в период нашествия Батыя. Именно борьба за первенство между князьями-родичами в занятии главных столов стала главным фактором разложения и упадка раннерусской государственности. И в этом смысле совершенно прав И.Солоневич, писавший: "Степь только добила государственность, начинавшую распадаться изнутри".

В результате нашествия Батыя и серии дальнейших нашествий система хозяйственных укладов, сложившаяся в рамках Древней Руси, деградировала. Городское хозяйство было на 2/3 уничтожено, ремесла оказались отброшены минимум на два столетия назад, объем торговли – сократился многократно. Днепр, как и Волга двумя столетиями раньше, перестал быть великим торговым путем. За исключением Новгорода, русские города после нашествия утратили хозяйственную автономию. Период "монгольской Руси" (особенно его начальные этапы с

подчеркнуто высокой частотой показательных репрессий и грабежей), разумеется, в весьма большой степени хаотизировал и российскую социальную ткань, и укладную структуру хозяйства, и мироощущение. Разрушение хозяйственных укладов приобретало массовый и повсеместный характер, многие тысячи людей скитались по стране без крова, без смысла, без дела и без цели.

Но социально-психологическая депрессия монгольского завоевания не могла не затронуть и Церковь. Именно в это время на Руси получила широкое распространение православная мистика учения Григория Паламы – исихазм, предполагавшая единение с богом за счет ухода от мира и сосредоточения в постоянной безмолвной "умной молитве". Начал происходить отток монахов из старых (и не ограбленных монголами, а потому по-прежнему богатых) общежительских монастырей в "пустыни", где они жили своим трудом и постепенно создавали новые обители. И именно вокруг таких новых обителей вскоре начали возникать поселения "бегающих людишек", которые вновь начинали молиться, трудиться, рожать и растить детей – словом, жить.

Видимо, восстановление на Руси относительно эффективной хозяйственно-укладной структуры, а также, в значительной мере, создание посадов – начальных "ядер" многих будущих новых российских городов – в немалой степени обязано именно описанному процессу. И здесь стоит отметить, что данный процесс имеет очень близкую аналогию в истории Западной Европы, где после распада Рима и нескончаемой череды войн и внутренних усобиц в варварских королевствах, – хозяйство, вконец запустевшее в результате практического исчезновения оседлого трудового населения, начало восстанавливаться именно вокруг монастырей. Именно их настоятели и пастыри своей проповедью и своим трудовым примером останавливали и "приводили в чувство" тамошних "бегающих людишек".

Разумеется, социальная структура и укладная система российского хозяйства в монгольское время понесла большие потери. Особенно болезненным процессом стала череда войн между княжествами, как спровоцированных ордынцами (всегда эффективно использовавшими принцип "разделяй и властвуй"), так и вызываемых династически неопределенными претензиями князей на различные столы. Далее, монгольское владычество не могло не повысить норму эксплуатации крестьян, от которых теперь требовалась наработать дань и для князя, и для ханских баскаков. Но, кроме того, проведенная монголами перепись трудоспособного населения ("число") и внедренная ими практика сбора дани "с дома" – стали важнейшим фактором ослабления или даже распада первичной соседской общины. Община в целом устойчиво сохранялась и воспроизводилась только на землях так называемых "черносошных" крестьян (преимущественно в Северо-Восточной Руси), которые жили в селах, не принадлежащих хозяевам вотчин или их слугам, сами владели землей и сами платили дань и другие налоги.

Однако, признавая глубокое негативное влияние ордынства на социально-политическую и хозяйственную жизнь Руси, в то же время нельзя отрицать, что эпоха монгольского завоевания стала для русской социальной и хозяйственной среды своего рода "школой", привнеся ранее неведомый опыт новых форм хозяйствования, познакомив с многими дальними рынками, ставшими доступными в рамках империи Чингизидов, и т.д. Кроме того, отмена института баскачества и "откуп" дани Орде Великим князем, получавшим на это ханский ярлык, дали (начиная с Ивана Калиты) старт такой финансово-хозяйственной централизации Руси, которая вскоре превратила Московское княжество в Московское царство.

Но одновременно монгольский период дал толчок еще одному важнейшему процессу. В результате нашествия резко увеличилась потребность в способности государства (в виде отдельных княжеств) мобилизовывать и перераспределять финансовые и материальные ресурсы. Соответственно, возникли условия, весьма благоприятные для развития государственной хозяйственной системы, а также наращивания политического веса "власти" по сравнению с "обществом". Все те княжества, на которые распространялась власть завоевателей (в совокупности составляющие Великое Владимирское княжение), сразу после завоевания оказались перед лицом необходимости платить дань Золотой Орде и, что было особенно тяжело, – дань серебром. В каждом княжестве лицом, ответственным за выплату "урока", являлся местный князь, в рамках всего Великого Владимирского княжения – Великий князь. Применительно к ситуации взыскания "урока" князь наделялся властью Хана в Сарае. Соответственно, монгольское завоевание одномоментно привело к многократному увеличению власти князей над своими подданными.

Непосредственный укладно-хозяйственный эффект монгольского завоевания (помимо разрушения производительных сил и сложившейся укладной системы) – это рост налоговых сборов в денежной форме, что увеличило значение частной собственности как объекта налогообложения. Поглощения княжеств (XIV век) домом московских князей также способствовали росту масштабов частной собственности на землю (при этом часть земель поглощаемых Москвой княжеств, не имевшая определенной "физиономии собственности", автоматически превращалась в вотчины членов княжеской фамилии и их окружения).

Отметим, что, хотя монгольское завоевание и увеличило в огромной степени власть князя, – тем не менее, князья пользовались новоприобретенной властью, как правило, осмотрительно. Власть любого князя, включая московских князей, в XIII – XIV веках и даже позднее, отнюдь не была неограниченной. Она ограничивалась Ханом в Орде, дружиной и ближними боярами (в русских княжествах, как правило, имелся эквивалент позднейшей боярской думы, хотя обычно в неформальном варианте), и писаным правом. Она ограничивалась Церковью, а также системой неписаных норм обычая (с которыми практически все очень считались), и, наконец, текущей – в те времена достаточно неустойчивой – политической конъюнктурой.

В таких условиях тенденция к дифференциации хозяйственных укладов в сфере землепользования, вполне проявившаяся в XI-XII веках и в XIII веке (до монгольского нашествия), продолжилась и после нашествия. Именно в этот период фактически завершилось формирование системы крупного частного и монастырского землевладения, достигла расцвета система семейного частного землевладения, и сформировались специфические уклады землепользования на колонизируемом Северо-Востоке, а также в пограничье с Дикой степью.

Глубоко регрессивные изменения в системе хозяйственных укладов в период "монгольского ига" имели место, прежде всего, в городском секторе и на территориях, ресурсы которых интенсивно мобилизовались с целью выплаты дани (и которые, тем не менее, периодически становились ареной военных действий). Регресс коснулся в первую очередь торговли и ремесла и, в широком смысле, городского хозяйственного уклада. Помимо хозяйственного истощения как такового, существенной причиной этого регресса являлось извлечение серебра из оборота и, значит, демонетизация экономики России, натурализация товарообмена. Причем демонетизация экономики России в процессе выплаты дани Золотой Орде не только вызвала упадок хозяйства городов, но и превратилась в мощный укладообразующий фактор.

Во-первых, прекратилось развитие кредитной системы. Кредит приобрел почти исключительно товарную форму. Во-вторых, автоматически сократился платежеспособный спрос на любую продукцию. Это ударило по хозяйству (в первую очередь городскому) не меньше, чем разрушения, вызванные завоевателями. В-третьих, демонетизация способствовала резкой "натурализации" хозяйства. В конце концов, именно это в значительной мере и привело к развитию поместной системы, суть которой в том, что выплата крестьянином налога государству – замещается выплатой продукта по месту производства назначенному государством "помещику".

2.2.3. Период Московского царства XV-XVII веков

В том, что касается оценок хозяйственной системы Московского царства, уже давно проявляется тенденция к его тотальной "вотчинной" укладой оценке. А отсюда регулярно выводят тезис об историческом отсутствии реальной массовой частной собственности в России (и, как следствие, о принципиальной "исторической нерыночности" российской экономики). Центральный пункт концепции "вотчинности" российского государства состоит в том, что в России никогда не было подлинной частной собственности, помимо собственности государя.

Однако пресловутая самодержавность московских царей означала всего лишь то, что их власть опиралась не на вассалов, а на аппарат бюрократического типа и фактически наемных военных слуг (яркий пример – опричники Грозного). Самодержавие на Москве было всегда "меньше", чем самодержавие на Востоке, и значило примерно то же, что и абсолютизм на Западе. Но даже Иван Грозный выделял для опричнины местности, где еще не существовало на старинных удельных территориях землевладение потомков владетельных князей.

При этом формально бояре постоянно писались в своих прошениях царю его "холопами". Однако система местничества, сковывавшая царей по рукам и ногам, пережила Ивана Грозного и была отменена только в 1682 году постановлением Земского собора. В средневековой Японии

сегун был по рангу ниже императора, но в действительности правил сегун. В России царь был самодержавным, но он постоянно боролся за власть с боярами. Во Франции при Людовике XIII и Ришелье – огромное число знатных дворян было отправлено на плаху. В России после смуты в XVII веке (и до царствования Петра I) – похоже, ни одного подобного случая не было. Именно стремление боярства сохранить свои властно-политические и экономические привилегии было в это время одним из главных "рамочных" обстоятельств российского социально-политического и экономического развития. Так, в начале XVII века нежелание боярства "служить Годуновым да Захарьиным" стало одним из самых существенных факторов разрастания Смуты.

При этом важнейшие сословия России времен Московского царства были подчеркнута военными. Фактически, у нас были военно-феодалное дворянство, военно-крестьянское казачество, военно-торговые стрельцы. Все они в мирное время занимались обыденными делами службы, управления, хозяйства, но в любой момент могли быть мобилизованы для военных целей.

В то же время и политическое, и экономическое развитие Руси в Московский период требовало, с одной стороны, прекращения конфликтов между существующими властно-хозяйственными субъектами и, с другой стороны, повышения экономической активности и эффективности этих субъектов. Иван Грозный решал эти задачи резкой централизацией власти и созданием новых групп зависимых от власти собственников (разумеется, прежде всего, земельных собственников). При этом основные репрессии опричнины были применены, в первую очередь, для слома старой системы властно-имущественных отношений, в которой княжата и бояре считали царя (великого князя) лишь "первым среди равных". Но примерно тот же самый конфликт между верховной властью и группами высшей элиты мы регулярно наблюдаем в России и ранее (в монгольские времена), и позднее, в том числе и в петровское (боярская оппозиция) и в советское (процесс становления и укрепления номенклатуры) время, и в последние послеперестроечные годы (олигархический процесс в его властно-экономическом сопряжении).

И именно поэтому решительная власть в России, ставящая перед собой цели фундаментальных (в том числе и в первую очередь – модернизационных) преобразований, почти неизбежно проводит крупномасштабную войну с укрепляющейся элитой "боярского" типа. Это и опричнина (и ее результат – изъятие родовых вотчин у "княжат"), и развитие поместного землевладения, и ликвидация местничества, и политика Петра I по ротации владетельных элит и вращиванию казенных и частных "заводчиков", и знаменитые "сталинские чистки".

При этом государство и в XVII веке, и в начале XVIII века, и в дальнейшем – использовало свою мощь вовсе не для того, чтобы упразднить безусловную частную собственность на землю. Напротив, оно использовало ресурсы своих аппаратов прежде всего для того, чтобы резко увеличить объем частной собственности, принадлежащей физическим лицам как в форме земли, так и форме "живого инвентаря" – крестьян, а также денежных пожалований. То есть государство в России было в эту эпоху основным "генератором" частной собственности (впрочем, так же, как в соответствующий период в Англии и, вероятно, повсюду). При этом российское государство в данном отношении явно "перестаралось", превратив свободных крестьян в рабов, и создало для себя долговременную постоянную проблему. Которую (опять-таки государство) набралось духу решить только в 1861 г. освобождением крестьян.

Но одновременно московский царь на деле вел себя не как "собственник государства", а как суверен. Правами собственника (причем с известными ограничениями) он пользовался лишь в системе дворцового хозяйства. При этом его "вклад в ВВП", выражаясь современным языком, был не больше, чем в удельный период Руси (хотя в абсолютном выражении уже достиг весьма крупных размеров). Это и был российско-московский "госсектор" (или очень сильное к нему приближение). Таким образом, госсектор в России начал расти из дворцового хозяйства, постепенно отделяясь от него. Но существовал он до 1917 г. (если считать "госсектором" также дворцовое хозяйство) непрерывно, начиная с удельного периода. И это очень важный момент, поскольку именно наличие госсектора в разных формах только и позволяло на деле реализовать функции суверена и практически поддерживать государственное единство. Данное обстоятельство нельзя упускать из виду и сегодня, когда некоторые радикальные реформаторы заявляют цель создать государство без госсектора и без социального эквивалента церковного землевладения.

Резюмируя обзор данного периода, можно уверенно утверждать, что "диктатура" московских царей не привела к укладной унификации (а, тем более, к огосударствлению собственности) и, наоборот, скорее способствовала развитию в рамках государственного целого системы укладного полиморфизма. При этом рост мощи государства и приобретение им в основном современных границ – сопровождалось возникновением и активным развитием вариаций системы хозяйственных укладов не только "по вертикали", но и по горизонтали. Общеизвестно, что и в XVI веке, и в XVII веке периферия Московского государства жила, в очень большой степени, по своим собственным законам и традициям. В частности, на Русском Севере система хозяйственных укладов была одна, на Дону – другая, в Сибири – третья.

2.2.4. Санкт-Петербургский период

Санкт-петербургский (имперский) период развития России до 1861 г. был в экономическом отношении периодом завершения начавшихся ранее приватизационных процессов (что находило яркое выражение в продолжавшихся в XVIII веке "раздачах" крестьян) и, одновременно, попыток частичной укладной унификации (распространение крепостничества по горизонтали, ликвидация монастырского землевладения). В то же время многочисленные войны, которые вела развивающаяся экспансия Империя, требовали резкого наращивания эффективности всего хозяйственного комплекса страны. А поскольку (в первую очередь, в силу описанных выше конъюнктурных рисков и ограничений) это было сделать крайне трудно, единственным выходом для власти оказывалось насильственное реформирование хозяйственной системы для повышения уровня эксплуатации подданных. (Заметим, что то же самое в аналогичных ситуациях было весьма характерно для Европы средневековья и даже начала Нового времени).

Чаще всего, говоря об этом, ищут причину в особом патерналистском менталитете народов России, выработанном столетиями беспрекословного подчинения деспотической власти. Возможно, это отчасти и так. Но, как бы ни объяснять причину указанного несоответствия между потребностями страны в хозяйственно-экономическом развитии и самопроизвольной динамикой этого процесса развития, – именно отсюда, из этого несоответствия, видимо, и вытекает тот постоянный фактор развития российской политики и российского хозяйства, который неоднократно определялся как "реформы и революции сверху".

Одним из факторов сохранения и наращивания социокультурного и укладного разнообразия в разрастающейся Империи стало присоединение новых территорий – преимущественно на Юге и Юго-Востоке, с их в основном исламизированным населением и собственной (иногда резко контрастной по отношению к старой России) системой социальных отношений и хозяйствования.

Так, в частности, известно, что приобретение новых подданных на Северном Кавказе и в Туркестанском крае привело к усилению роли и влияния "набегово-абреческого" присваивающего субуклада. Более того, хорошо известно, что этому субукладу оказалась вовсе не чужда часть казачества пограничных имперских войск. А еще одним важным укладообразующим и социальным процессом имперского периода стал рост городского населения за счет иногда временного (отхожие промыслы), но все чаще постоянного притока работников из деревни.

Таким образом, и в Санкт-Петербургский период, несмотря на безусловные властные попытки "давлением сверху" добиться социально-политической и экономической унификации пространства Империи, Россия обладала достаточно сложной системой социокультурных типов и укладов хозяйствования. Которые сосуществовали и "по вертикали", в одних и тех же географических зонах, и "по горизонтали", на разных территориях страны. Вообще говоря, склонные к политике унификации, российские власти пошли на консервацию после 1861 г. в землевладении в основных областях империи двух основных хозяйственных укладов – частного хозяйственного с ядром в виде крупного землевладения, и общинного.

Столыпинские реформы как попытки уничтожить общину (возродившуюся в новом качестве во время помещного землевладения и крепостного права, о чем ниже), – вопреки множеству нынешних идеологизированных публикаций, вовсе не были успешными. Большинство крестьян было против ликвидации общинного хозяйства и не желало превращаться в "фермеров" (заметим, что сегодня во многих регионах России очень похожая ситуация наблюдается с попытками окончательной ликвидации колхозов). А провал столыпинских реформ и вызванные ими массовые крестьянские бунты времен революции 1905 года, как сейчас уже достаточно детально

исследовано, были связаны, прежде всего, с массовым социально-этическим неприятием общиной фигуры обособившегося от "мира" частного собственника. Но при этом община, напротив, хорошо принимала и нередко с успехом практически реализовала идеи кооперации. И здесь необходимо оговорить, что и до революции, и после революции отношение деревни к "кулаку" было, в подавляющем большинстве случаев, остро негативным.

В то же время развитие современных форм рыночного хозяйства в городе также к укладной унификации не привело. В конце XIX века и в начале XX века в городах существовали:

- продвинутый хозяйственный рыночный уклад с ядром в виде системы синдикатов, контролировавших производство в основных отраслях (Продамет, Продауголь и др.) и очень крупных компаний (прежде всего, в нефтяной промышленности). Конъюнктура в рамках этого уклада в значительной степени определялась общеевропейскими факторами и примерно соответствовала динамике Парижской биржи;

- уклад, представленный предприятиями, работающими исключительно или по преимуществу на внутренний рынок;

- собственно государственная нефинансовая хозяйственная система, включающая ряд казенных промышленных предприятий (по преимуществу военных), железные дороги, систему казенной торговли спиртными напитками и некоторые другие объекты (так, доля государства в активах промышленности и железнодорожного транспорта России в 1913 г. была не менее 50%).

Кроме того, существовала система хозяйственных организаций, подчиненных земствам (в том числе больницы), а также мелкоремесленный уклад, развитая сфера услуг и (даже в относительно крупных городах) нетоварное "натуральное" садово-огородное и т.п. хозяйство.

При этом для поддержки предпринимательской инициативы и развития конкуренции (то есть становления эффективного рыночного хозяйства), правительства Империи делали довольно много. Политика российской власти последних имперских десятилетий в отношении сельского хозяйства, промышленности и торговли была, несмотря на значимый "каркасный" госсектор, весьма либеральной. Однако в части, касающейся международной торговли, эта либеральность соблюдалась далеко не всегда. В частности, министр финансов С.Витте, сторонник идей Фридриха Листа, был убежден в необходимости протекционистских мер для промышленного импорта в Россию. Он был, например, готов идти на тарифную войну с Берлином, несмотря на тесные династические отношения между императорскими дворами и открытое недовольство Бисмарка.

Сейчас, в контексте обсуждения стратегии нынешних российских реформ, часто ставится вопрос: почему хозяйственное управление у нас в стране постоянно отчуждено от самих хозяйствующих субъектов и обычно осуществляется властью, внеэкономическими методами и без серьезного учета интересов этих субъектов? В связи с этим стоит отметить следующее.

На Западе (в частности, в США) основное влияние на принятие стратегических государственных решений с давних пор оказывала экономическая элита. Р.Миллс, например, считает крупнейшие корпорации, наряду с государственной администрацией и армией, одним из трех основных социальных институтов Америки. Причина, прежде всего, в том, что даже в периоды максимального экономического и административно-хозяйственного могущества американского государства, – совокупный хозяйственно-экономический потенциал частновладельческих социальных групп в десятки раз превышал соответствующий потенциал административной власти. Торг, как способ властвования и социального управления, оказывается в этих условиях практически основным фундаментом и политической, и всей хозяйственной жизни, формируя общий психологический фон и контекст любой общественной деятельности.

В России же, в силу отсутствия экономических элит такого масштаба (и совокупного экономического влияния), финансово-экономический фактор властвования никогда не мог пытаться выдвинуться на решающие политические позиции. Даже крупное землевладение, из-за пониженного в климатических условиях России производительного потенциала сельского хозяйства, не создало в стране того массового крупного собственника, который мог бы, по большому счету, конвертировать свой экономический потенциал в значимый властный ресурс.

2.2.5. Советский период

Для советского времени в целом, по понятным причинам, оказалась характерна тенденция к унификации и социальной структуры общества, и системы хозяйственных укладов (с некоторым отступлением от этой тенденции в период НЭПа). Указанная политика унификации объективно стала одной из важнейших причин утраты советской экономикой хозяйственной эффективности. Прежде всего, потому, что она практически исключала возможность локальной адаптации к весьма многообразным на огромной территории природно-климатическим и социокультурным условиям хозяйствования. В частности именно такая политика директивно-волюнтаристской укладной унификации, будучи применена в Туркестанском крае, привела к массовой гибели скота, упадку оазисных центров традиционного земледелия и, в конечном счете, к катастрофическому голоду, во время которого погибли сотни тысяч человек.

Кроме того, такая политика, до предела сузив пространство экономической (и вообще хозяйственной) инициативы как для индивидов, так и для традиционных сообществ разного типа и происхождения, оказалась, вероятно, одним из основных факторов социально-политического отчуждения деятельного населения от советской власти и государства. И подчеркнем, что именно для "периферийных" зон СССР, где противоречащая традиционным нормам жизни укладная унификация оказалась наиболее грубой и болезненной, стали характерны максимальные масштабы коллаборационизма в период Великой Отечественной войны.

Но в действительности унифицировать советскую хозяйственную укладную структуру не удалось. Экономика реагировала на все подобные попытки полуправильным или нелегальным воспроизводством традиционных укладов, ростом теневого сектора, а также трансформацией "абреческих" субукладов в своеобразную "экономику" хищений социалистической собственности с ее оборотом (в последние советские годы) в несколько десятков миллиардов долларов.

Причем влияние унаследованного "социокультурного багажа" на советское хозяйствование были характерны не только для государственных окраин. "Сталинская индустриализация" проводилась, прежде всего, руками вытесненных из деревни коллективизацией недавних крестьян, которые не могли не переносить в город навыки и образ жизни породившей их общины. Воспроизводясь в превращенных формах в "барачной" жизни новых индустриальных поселков, этот постдеревенский общинный "мир" организовывал и выстраивал (в том числе, применяя многообразные формы коллективной репрессии и коллективного поощрения) практически все сферы социальной жизни – нормы бытового поведения, тип отношения к труду и пр.

Одной из проблем, которые это порождало, была "общинная" репрессия индивидуальной достижительности и соревновательности ("не высывайся"), которая сохранялась длительное время и во многом определяет трудовую этику значительной части российского общества до сих пор. И известно, что советская власть в своих попытках поднять производительность труда сумела наладить широкое, постоянное и массовое трудовое соревнование лишь там и лишь тогда, когда оно было организовано не на уровне отдельных работников, а на уровне бригад – трудовых (как правило, заодно и "общежительских") коллективов.

2.2.6. Период постсоветских реформ

С начала реформ и по 1992 г. укладный полиморфизм экономики России возматерел. Однако затем начались попытки новой укладной унификации за счет полного вытеснения госсектора и минимизации кооперативного сектора. Создается впечатление, что неизменной целью нынешних российских реформаторов было и остается создание некоего абстрактного "рынка" и, соответственно, не менее абстрактного рыночного уклада, унифицирующего условия хозяйствования во всех секторах экономики безотносительно к их природе, прибыльности, капиталоемкости, материало- и энергоемкости и т.д. А также – безотносительно к локальным особенностям российских регионов. И это привело к ряду парадоксальных результатов:

1. Госсектор уже в 1992 году превратился в квази-госсектор, поскольку его функционирование практически не регулировалось (все усилия государства были сосредоточены не на управлении, а на его приватизации). Фактически предприятия госсектора были как бы отданы в доверительное управление их руководителям, но без ограничений на их экономическое поведение. А это автоматически привело к превращению именно госсектора в полукриминальное царство – различные экономические преступления здесь стали почти что нормой.

2. Никакого внимания созданию системного крупного бизнеса, то есть крупных финансовых и нефинансовых корпораций, контролируемых частным капиталом, не уделялось. Результат – российские структуры крупного бизнеса, способные реально конкурировать на ключевых мировых рынках, за годы реформ так и не сложились (ТЭК и еще несколько сырьевых компаний – единственное и неоднозначное исключение).

3. Система малого бизнеса – создана с очень слабым промышленным производственным ядром и очень крупным теневым сектором. В стране вообще гипертрофирован теневой сектор и мощно развит мелкокриминальный и субкриминальный сектор экономики.

4. Нарастают тенденции разложения экономики на экспортный сектор и локальные рынки региональных масштабов.

Общий промежуточный итог этих попыток создания "идеального" рыночного хозяйства – появление в стране бескредитного капитализма банкротов (поскольку банки не в состоянии обслуживать реальный сектор из-за их слабости, а большая часть предприятий – в фактически банкротном состоянии). Причем огромная часть субъектов этого "капитализма банкротов" оказывается обладателями совершенно неопределенного или крайне "подвижного" хозяйственного статуса. Но именно этот уникальный хозяйственный режим насаждается в централизованном порядке повсеместно в одном и том же виде (аналогично тому, как это было с другим хозяйственным укладом в советские времена) и при отчаянном сопротивлении унаследованной и стихийно формирующейся ткани иных укладов и субукладов.

А потому руководителям на местах приходится компенсировать дефекты "центральной" хозяйственной институциональной политики – неформальными управленческими коррективами по административным каналам. То есть тем, что в послевоенной Японии называли "руководством через окошко". И чем более сложным оказывается положение страны (или даже конкретной отрасли), тем выше становятся объем и значимость "руководства через окошко". По описанным причинам сложившуюся в России к сегодняшнему моменту систему хозяйственных укладов следует рассматривать как временную и в нынешнем виде нежизнеспособную.

Глава 3. Дефицит эффективности Российского государства как фактор динамики социально-экономических процессов

3.1. Факторы управляемости России и обществ западного типа

Согласно распространенной точке зрения, главное отличие России, как социально-экономического объекта, от общества западного типа состоит в том, что в ней – сильное государство, которое все активно регулирует. А в западных обществах, мол, государство слабое, и сфера его регулировочных воздействий на социально-экономические процессы невелика. При этом не учитывается, что Российское государство сложилось и в течение многих столетий развивалось в условиях острой демонетизации экономики, слабости финансовой базы власти и отсутствия развитой финансовой сферы. И потому – в условиях неспособности управлять главным образом через параметры финансовой среды и посредством большого бюджета. Даже в XVIII веке российский бюджет был ничтожен сравнительно с французским. Точно так же сегодня российский бюджет (даже если считать не по заниженному курсу, а по паритету покупательной способности рубля) ничтожен сравнительно с американским. Именно по этой причине дефицит возможностей финансового управления возмещался "управлением через приказы".

Заметим, что и общества западного типа переходили к системе преимущественно косвенного управления (через финансовую сферу) лишь по мере создания и укрепления такой финансовой сферы. Англия перешла к преимущественно финансовой модели государственного управления только после победы над Наполеоном. Пруссия при Фридрихе II, а также его предках и преемниках, была классическим административным государством. Но и гораздо позже каждый раз, когда на Западе выявлялась недостаточность чисто финансовых инструментов регулирования экономических и социально-политических процессов, – сразу происходило резкое наращивание использования административных инструментов в общем объеме регулировочных воздействий. Во время Первой мировой войны все крупные государства Западной Европы управлялись преимущественно командно-административными средствами. Не была исключением и наиболее либеральная Англия.

После 1918 г. произошел почти повсеместный возврат к системе косвенных методов государственного управления, преимущественно через финансовые инструменты. Однако после начала кризиса 1929 года доля административных методов в управлении экономиками развитых (а затем и развивающихся) стран начала быстро расти, причем одновременно в объект административных воздействий превратилась и вся социальная среда (вспомним, например, мощнейшие социальные программы администрации Ф.-Д. Рузвельта). Во время Второй мировой войны экономики Англии, США, Канады превратились в почти полностью регулируемые смешанные экономики. И в этом отношении они, если рассматривать ключевые параметры и механизмы управления, мало чем отличались от "тоталитарных" Италии, Германии и СССР.

После войны (если не брать в расчет СССР и некоторые другие страны) уровень административного регулирования социальной и экономической среды повсеместно понизился, но долго оставался весьма высоким (в частности, в Англии и Франции после войны были проведены массивные национализации ключевых капиталоемких сегментов хозяйства, а во Франции – и значительной части банковских структур). После 1980 г. стали предприниматься систематические повсеместные попытки понизить долю административных механизмов управления социальной и экономической среды, то есть произвести ее массовую либерализацию. Но эти попытки (если не брать в расчет бывших социалистических, а ныне новых рыночных стран), несмотря на многочисленные доказательные данные о действительно глубокой либерализации экономик, увенчались лишь относительным успехом.

Во-первых, либерализационный эффект широких приватизационных мероприятий был почти повсеместно скомпенсирован быстрым ростом масштабов бюджетного перераспределения ВВП. Во-вторых, продолжилось уплотнение и ужесточение нормативно-законодательной системы административного и хозяйственного регулирования и, соответственно, "нормативная" делиберализация социальной и экономической среды. В-третьих, "либерализационный" рост проницаемости межгосударственных границ был скомпенсирован ужесточением контроля за перемещением людей, товаров, услуг и финансовых потоков.

И, наконец, в настоящее время (и, в первую очередь, на наиболее либерализованном Западе) "эпоха либерализации" на наших глазах трансформируется в эпоху "борьбы с криминальным капиталом" и "борьбы с терроризмом", с резким наращиванием системы мер административного и нормативного контроля всех сфер хозяйственно-экономической деятельности.

Очевидно, что развитые общества сейчас функционируют в условиях высокой степени нерыночного (прямо или косвенно административного) регулирования основных экономических и социальных параметров. В том числе, динамики ВВП, динамики инфляции, курса национальных денежных единиц, уровня оплаты труда, безработицы, валютно-финансовых потоков. То есть, на деле нерегулируемая (или, точнее, условно регулируемая) рыночная сфера в современных экономиках западного типа – по существу, является надстройкой над планомерно и эффективно регулируемой системой институтов и структур.

Таким образом, сегодня Россия гораздо ближе к идеалу "нерегулируемого общества", чем страны Запада. Ближе именно потому, что система административного регулирования в нашей стране практически свернута, а система финансового регулирования – еще не развернута и даже, по большому счету, не создана.

3.2. Причины низкой управляемости России и ее последствия

Способность государства (власти) воздействовать на социально-экономические процессы – лимитируется тем, что социально-экономическая среда обладает как ограниченной чувствительностью к управляющим воздействиям, так и определенным потенциалом сопротивления этим воздействиям. Причем эти "потенциалы чувствительности" и "потенциалы сопротивления" меняются в зависимости от множества обстоятельств. Общество, составленное из многочисленных интегрированных социальных групп типа племен, кланов, клик, мафий, каст, при прочих равных условиях, менее чувствительно к управляющим воздействиям, чем общество, лишенное таких групп. Первый тип общества можно в грубом приближении назвать обществом с "нуклеоидной" социальной структурой, второй – обществом с аморфной социальной структурой.

Азиатские общества традиционного типа всегда были существенно сильнее насыщены социальными нуклеусами, чем типично европейские общества. Соответственно, они всегда

характеризовались повышенной сопротивляемостью управляющим воздействиям, и управление ими как единым целым могло осуществляться лишь весьма жесткими или даже деспотическими режимами (что, как правило, и имело место в истории). Но при этом сплошь и рядом вполне деспотический режим оказывался не в состоянии проконтролировать даже основные социальные и экономические процессы, протекающие в обществе. И нарушение баланса между силой деспотии и силой сопротивления деспотии в пользу последней – вело либо к перемене династии, либо к распаду государства (и, как правило, его поглощению другим государством).

Разумеется, "коэффициент нуклеоидности" далеко не единственный фактор, влияющий на потенциал сопротивляемости общества управляющим воздействиям. В действительности этот потенциал сопротивляемости распределен между управляющим аппаратом и объектом управляющих воздействий. Соответственно, можно говорить об аппаратном потенциале сопротивляемости управляющим воздействиям и объектном потенциале такой сопротивляемости. Иными словами, любой реформаторский или даже просто управляющий порыв власти в любом обществе наталкивается на сопротивление, искажение, трансформацию, саботаж как со стороны управляемого общества, так и со стороны исполняющих управление аппаратов.

В отношении России нужно подчеркнуть, что в ней постоянно сохранялись крупные социальные и географические зоны, практически находившиеся вне зоны абсолютистского и государственного контроля. В числе таких зон, если взять в качестве примера Московское царство, были:

- до реформ Петра I церковь в целом и монастырская Россия (с автономией последней покончила лишь Екатерина);
- северная, восточная и южная периферия государства, куда оттекало (зачастую попросту бежало) население из центра, и в том числе территории донских, терских, уральских казаков;
- вообще казачьи войска как институт;
- общины староверов (фактически русских в том виде, какой они имели до трансформации поместного режима в режим крепостного права);
- общины иностранцев и представительства иностранных компаний (яркий пример – знаменитая "немецкая слобода" в Москве);
- сообщества так называемых "гулящих людей", которые в теории, при якобы крайне жестоких московских порядках, вообще не должны были существовать, но на практике были достаточно многочисленны и активны;
- нелегальный сектор вотчинного и крепостного хозяйства

Характер факторов сопротивления управляющим воздействиям, конечно, исторически менялся. Но сам потенциал сопротивляемости России "управлению" был неизменно высоким, а результаты управления всегда, как правило, далеко не соответствовали ожиданиям.

Разумеется, чем эффективнее был административный аппарат, тем лучше преодолевалось сопротивление социально-экономической среды России управляющим воздействиям. Однако в России аппарат никогда не был очень эффективным. И даже эпоху СССР степень неуправляемости общества была немалой, причем с течением времени она увеличивалась:

1. Начиная со сталинских времен, планы развития сельского хозяйства не выполнялись.
2. В деревнях власть не могла справиться с хищениями социалистической собственности. В теории крестьянина могли посадить за несколько колосков (и иногда так и случалось), на практике же крестьяне регулярно из года в год "приватизировали" около 1/3 производившейся в колхозно-совхозной системе продукции.
3. Система потребкооперации все время работала в режиме "полуприватизации".
4. В торговле всегда процветал весьма значительный теневой сектор.
5. Работа промышленности обеспечивалась реально несколькими десятками тысяч незаконных бартерных микрорынков, где снабженцы предприятий перераспределяли фонды (нерационально или почти произвольно распределявшиеся Госпланом).
6. Реальный контроль за темпами роста промышленности начал утрачиваться после 1950 г. и был почти полностью утрачен к концу 1970-х годов. В 1980-е годы планы отраслей и предприятий начали приобретать чисто условный характер.
7. Не было даже попыток взять под контроль процессы демографической деградации.

8. Около 1970 г. выявилась неспособность страны обеспечивать полноценное технологическое обновление производства.

9. В 1960-х годах выявилась неспособность режима обеспечить лояльность населения, и не позднее 1980 г. – его неспособность блокировать разложение партийного аппарата.

Видимо, одна из наиболее существенных исторических причин пониженной управляемости России состоит в недостаточной легитимности власти и законодательства. В связи с этим следует заметить, что дефицитом легитимности (по крайней мере, в глазах значительной части политической и экономической элиты) обладали чуть ли не все российские монархи. Одни из них происходили от неизвестных отцов (Петр I; возможно, Василий III; Иван Грозный, а также Павел I и даже Николай II), другие являлись "выборными царями" (Борис Годунов, Михаил Романов), третьи приходили к власти в результате тайных или явных государственных переворотов (Екатерина I, Елизавета Петровна, Екатерина II, отчасти Петр I, Александр I).

Но тот же самый дефицит легитимности заставлял "самодержцев" либо проводить в широких масштабах политику репрессий (Иван Грозный, Петр I, Павел I), либо обеспечивать себе поддержку элиты за счет крупного социального подкупа (путем раздачи государственных земель и душ, а также прямых пожалований), либо делать одновременно то и другое.

Однако проблема дефицита легитимности у носителей власти неизбежно имеет своей обратной стороной дефицит легитимности законодательства. Не в последнюю очередь, по этой причине законы никогда не пользовались в России особым уважением, особенно в тех случаях, если они не имели прочного и убедительного морального основания. Причем, как отмечает множество исследователей, законы в России постоянно разделялись массовым сознанием на имеющие и не имеющие моральную санкцию, то есть на "справедливые" и "несправедливые". Законы второй категории, независимо от условий их принятия, считались "законами второго сорта". Им подчинялись лишь постольку, поскольку к этому принуждала внешняя сила.

Но эта же проблема имеет прямое отношение к периоду наших нынешних реформ. Значительная часть принятых в последнее десятилетие (причем даже без процедурных нарушений) законов обладает чисто формальным, не санкционированным массовой моралью, правовым статусом. Это обстоятельство не только крайне затрудняет становление России как полноценного правового государства. Оно играет решающую роль в "косвенной легитимации" всей структуры теневой и криминальной экономики, политики, социальной деятельности, с которой мы сейчас пытаемся (признаем, что пока малоуспешно) бороться.

В связи с этим нужно отметить, что нормативное и хозяйственно-экономическое противостояние между сложившимися в России сообществами (как кланово-мафиозного, так и вполне рыночного характера) и властью (аппаратом) проявляется не только в сфере "теневой экономики". Оно постоянно прорывается на поверхность и во множестве действий власти, прямо указывающих на недоверие к хозяйствующим субъектам (например, неоднократные неожиданные экономические решения конфискационного характера в ходе проводимых реформ).

Огромное значение имеет дефицит правового ресурса новообразованной частной собственности. Это – одна из основных причин того, что фондовый рынок оценивает даже первоклассные российские производственные активы очень низко. Но это же, в свою очередь, негативно влияет на экономическое положение предприятий, лишает их, в частности, фондов для залоговых операций, и ведет к недоинвестированию и сокращению производственного аппарата.

А потому – налицо острая потребность в принятии комплекса мер, направленных на повышение ресурса легитимности всего реформационного законодательства. В том числе, путем его более или менее глубокой корректировки, а также широкой системы компенсаций населению. В противном случае рассчитывать на приобретение российской экономикой нормального уровня эффективности, даже при самых благоприятных условиях, очень трудно. И тогда Россия надолго останется столь же малоуправляемой страной, какой она неоднократно и в течение длительных периодов бывала в прошлом.

Глава 4. Аппаратный фактор социально-экономического развития России

4.1. Административные институты как фактор эффективности рыночного хозяйства

Весьма популярна точка зрения, согласно которой рыночное хозяйство, поскольку оно само себя регулирует, не нуждается в мощных системах администрирования. Эта точка зрения упускает из виду принципиальное обстоятельство: хотя рыночный механизм работает "сам", для того, чтобы он эффективно работал, необходимы определенные организационные условия и система обеспечения бескризисного функционирования социально-хозяйственной структуры в целом.

В современных условиях необходимыми условиями функционирования рыночного механизма непосредственно являются:

- эффективная система правоохранительных органов (прежде всего, судебная система);
- разнообразные "разрешительные" и "регистрационные системы", включая систему регистрации прав собственности;
- системы регулирования, компенсирующие дефицит эффективности рыночного механизма в целом, а также отдельных рынков и сегментов частного хозяйства;
- система нерыночного регулирования денежной и кредитной сферы (в США сюда относится, в частности, ФРС, в России – Центральный банк);
- налоговая система;
- разного рода контрольные системы, включая обеспечение экологической безопасности.

Кроме того, эффективность рыночного механизма зависит от ряда других систем:

- системы бюджетного перераспределения ВВП;
- системы социального обеспечения с ее подсистемами;
- системы обеспечения внутренней безопасности экономического пространства;
- системы обеспечения внешней безопасности государства.

Достаточно очевидно, что эффективность рыночного механизма и конкретных рынков может очень сильно зависеть от эффективности перечисленных выше систем и подсистем. Дефицит эффективности административных институтов (или того, что в США называют "общественной администрацией") всегда оборачивается либо ростом издержек, либо ростом конъюнктурных рисков (и, в том числе, ростом конъюнктурных рисков, связанных с инвестициями). В обоих случаях его влияние на эффективность рыночного хозяйства – самое отрицательное.

4.2. Социальная политика и проблема автономизации аппарата от общества

Состояние административных институтов и, соответственно, административного аппарата, оказывает очень существенное влияние на общество. Однако и общество в каждый данный момент оказывает определенное влияние на административный аппарат. Возможны такие состояния социальной среды, при которых административный аппарат не может быть эффективным. Именно так бывает, например, если общество насыщено кланами, мафиями и подобными им структурами.

В социальной среде, характеризующейся высоким уровнем социального фаворитизма, – то же самое. "Повреждение нравов", о котором писал князь Щербатов, консервативный критик петровских реформ и их результатов, как раз и являлось следствием роста социального фаворитизма в результате этих реформ, поскольку царь и двор, располагая мощными силовыми аппаратами, стали "гораздо меньше считаться с приличиями". Если в период Московского царства (до Петра I) вознаграждение увязывалось со службой данного лица или его предков (так обстояло дело, по крайней мере, в социальной норме), то при Петре (а особенно при его преемниках) принцип связи дохода и "службы" был почти полностью отброшен. При Петре личный доход царского окружения практически стал увязываться, прежде всего, не "со службой", а с близостью к особе монарха. Возникло упомянутое "повреждение нравов", которое, распространяясь по вертикали и горизонтали, способствовало усилению до крайних пределов взяточничества. Что вело к общей дезорганизации хозяйства и социальной жизни, и достигло крайних размеров при преемниках Петра I – Екатерине I и Петре II.

В течение 150 лет после Петра I "повреждение нравов" практически полностью блокировало положительные эффекты от роста численности и квалификации аппарата. При Николае I большая часть административного аппарата была не более эффективна, чем при Алексее Михайловиче Романове. И только после того, как крепостное право было ликвидировано и система социального

фаворитизма – тоже, а "служба" начала приобретать известный социальный смысл, началось оздоровление аппарата. В итоге перед революцией 1917 г. Россия располагала сравнительно эффективным административным аппаратом, – видимо, не худшим, чем в Западной Европе.

В принципе, если проводится антисоциальная экономическая политика и общество приближается к модели "диктатуры одного класса над другими", то такое общество не может располагать эффективным бюрократическим аппаратом. Он будет всегда более или менее разложен и ориентирован на "служение" самому себе. В этой ситуации наилучший выход – сокращение функций аппарата и максимально широкое замещение бюрократических должностей выборными. Именно такая модель "аппаратного строительства" была принята в Англии и некоторых других странах "английского типа" в XVIII -XIX веках. То есть аппарат сводился к минимуму не потому, что это было нужно экономике, а потому, что сильный аппарат становился "социально и политически опасным". Он в таких условиях неизбежно коррумпировался и, в то же время, легко мог превратиться в инструмент борьбы как с обществом, так и с конкретной властью.

Однако, с другой стороны, если аппарат слаб и неэффективен, а ресурсы дефицитны (но они, по большому счету, дефицитны всегда и везде), то олигархическое перерождение властно-социальной ткани становится практически неизбежным. Это и произошло, например, в XVI-XVII веках в Польше, где возникло классическое в своем роде "государство магнатов". Кроме того, на практике на каждое негативное воздействие со стороны социальной среды аппарат отвечает негативным воздействием на социальную среду (взятки, поборы, административный произвол), проявляя тенденцию к автономизации от общества и власти.

В конечном счете, аппарат превращается из чисто служебного элемента социального организма – в орган, обладающий собственным социальным значением, которое может быть больше или меньше, в зависимости от конкретных условий и "обстановки эпохи". Так, в России при Алексее Михайловиче Романове (XVII век) аппарат обладал незначительным собственным социальным значением, а в период "женских царствований" XVIII века таковое было уже весьма велико, и реорганизации в этом отношении мало что меняли.

Автономизация и бюрократическое перерождение аппарата – всегда следствие определенной социальной политики (с существенной степенью социального фаворитизма и имморализма). И решается эта проблема лишь изменением типа этой политики. Как показывает исторический опыт, даже крайне репрессивные методы улучшения аппарата в данной ситуации успеха не приносят.

По крайней мере, с царствования Александра II и вплоть до 50-х годов XX века административный аппарат России, а затем СССР, не являлся вполне самостоятельным социальным фактором. Однако после большевистской революции 1917 г., в огромной степени увеличившей значение "службы", довольно быстро возникла перспектива автономизации аппарата от общества, что было хорошо осознано в уже 20-е годы. Л.Троцкий, как известно, в особенности акцентировал эту проблему. При этом он определял своих политических противников (и, в первую очередь, И.Сталина) как "ставленников" аппарата, и предлагал в качестве инструмента решения проблемы "перманентную революцию".

Сталина, по-видимому, действительно нельзя рассматривать как борца с бюрократическим перерождением аппарата. Но то, что он был борцом с превращением аппарата в самодовлеющий социальный фактор – несомненно. Именно Сталин использовал для предотвращения этого бюрократического перерождения ключевую идею Троцкого – постоянную ротацию кадров, административные реорганизации и, главным образом, репрессии.

После того, как инерция сталинского правления была преодолена, началась автономизация аппарата, и, в первую очередь, так называемого партийного аппарата (который на деле представлял собой, в административном плане, своеобразную всеохватывающую контрольную систему, предназначенную для отслеживания процессов во всех сегментах общества и их оперативной корректировки). В период застоя эта автономизация аппарата зашла очень далеко, причем особенно далеко – на периферии СССР. Соответственно, если в Центре прямые издержки функционирования аппарата в виде взяток и поборов были невелики, то на периферии – гораздо более значительны, а в районах страны с социальной структурой преимущественно нуклеоидного типа (насыщенной кланами и служебными кликами) – крайне велики.

Косвенные же издержки автономизации аппарата – во много раз превышали прямые издержки. Огромное негативное влияние имело, в частности, то, что значительная часть ЦК КПСС и Политбюро превратилась в прямых и непосредственных лоббистов региональных аппаратных групп. И именно эта ситуация, как представляется, в наибольшей мере подготовила и породила и экономическое поражение, и распад СССР.

Но новая Россия не могла не унаследовать административный аппарат, существенно автономизировавшийся от общества. Причем характер "постперестроечной" экономической политики способствовал дальнейшему "повреждению аппаратных нравов" и провоцировал рост взяточничества, поборов и деградации аппарата. По сути, постсоветская административная реформа – в очень большой степени повторяла аппаратные российские ошибки 300-летней давности. И, поскольку проводившаяся в 90-е годы XX века в России политика обнаружила значительные элементы такого же социального фаворитизма (массовая приватизация как фактическая "раздача" собственности), она не могла не сопровождаться углублением разложения аппарата и увеличения прямых и косвенных издержек, связанных с его функционированием.

Но "автономный" аппарат не может быть эффективным. Он все время будет колебаться, как уже бывало в прошлом, где-то между взиманием дани с общества – и пассивностью. А это всегда увеличивает конъюнктурные и инвестиционные риски для предпринимателей, и делает невозможным частное хозяйство, отвечающее высоким стандартам эффективности.

Далее, реальный аппарат на уровнях, где сосредотачиваются властные ресурсы, всегда представляет из себя коалиции чиновников. В обществах с нуклеоидной социальной структурой (а таковы большинство развивающихся стран) чиновничьи коалиции, как правило, взаимодействуют с разнообразными внешними структурами типа клик или даже вовсе являются их частями. И это важнейший социокультурный фактор предпринимательского климата!

Как показывает мировой опыт, влияние этих явлений на экономику можно понизить за счет административного давления в лучшем случае на несколько десятков процентов. Но при этом неизбежно возникает новая проблема: создание эффективного внешнего контроля за работой аппаратчиков имеет оборотной стороной расцвет перестраховочной практики, бюрократизм, существенное понижение активности, инициативы и оперативности аппарата. Сталин по линии "оздоровления" аппарата за счет нескольких налагающихся контрольных систем и беспощадных репрессий (а также ротации кадров, предотвращающей образование клик) – сделал, видимо, все возможное. Тем не менее, хотя сталинский аппарат неплохо справлялся с мобилизационными проблемами и с работой в "чрезвычайном" режиме, с решением других задач (прежде всего, задач "мирного времени") дело обстояло весьма посредственно.

Подчеркнем, что в рыночном хозяйстве условия работы аппарата гораздо сложнее (и требования к его эффективности гораздо выше), чем те, в которых работает "командный" аппарат. Сложнее, прежде всего, из-за большей "конкурентной агрессивности" рыночной социальной среды и ее способности своими влияниями понижать эффективность аппарата. Так, в частности:

1. Если характер социальной политики стимулирует широкое распространение в среде чиновников взглядов типа "каждый за себя, один бог (рынок) за всех", это приводит к коррумпированию и разложению аппарата.

2. Аппарат резко снижает эффективность, если не гарантируется достаточная устойчивость служебного положения чиновников, добросовестно выполняющих свои функции.

3. Аппарат, как правило, деградирует и коррумпируется, если недостаточна оплата труда чиновников, контролирующую основную часть властных полномочий.

4. Эффективность аппарата будет неизбежно сокращаться, если уровень оплаты труда рядовых работников (не располагающих заметным ресурсом власти) недостаточен для их надежного закрепления в аппаратной системе. В этом случае быстро понизится качество чиновников и на средних, и на высших уровнях управления, поскольку они пополняются в значительной степени за счет "карьерного роста" персонала низших уровней.

Система перечисленных "рамочных условий" в основном выполнялась при последних Романовых и в течение значительной части советского периода. Но в так называемую эпоху "застоя", а также в перестройку, – происходил неуклонный распад и статусно-экономических рамочных условий эффективности аппаратов, и компенсационных систем административного

контроля. В 90-е годы XX века и к началу XXI века в России и странах СНГ в основном не выполнялись все четыре рамочных условия эффективного функционирования аппарата.

В то же время, наметившиеся в последнее время тенденции укрепления структур контроля за аппаратами, – вряд ли приведут к радикальному оздоровлению аппаратной ситуации. Как потому, что в отношении этих контрольных структур в полной мере справедливы перечисленные выше рамочные условия эффективности, так и потому, что создание таких контрольных структур и их кадровое наполнение – уже сталкиваются с острейшим дефицитом качественных "кадров контроля" и, в любом случае, потребуют значительного времени. И потому в настоящий момент перспективы существенного повышения эффективности российского административного аппарата, включая территориальное и хозяйственное управление, судебную систему и правоохранительные органы в целом, представляются достаточно сомнительными.

4.3. Система факторов, влияющих на эффективность административного аппарата, и возможности его оптимизации в России

На эффективность административного аппарата оказывает влияние большое количество факторов, с трудом поддающиеся контролю и корректировке. В том числе, состояние социальной среды, в которую "погружен" аппарат, качество человеческого материала, используемого аппаратом, дефекты системы каналов вертикальной социальной мобильности, регулирующих динамику аппаратной иерархии, и др. Поскольку аппарат никогда не идеален, его работа характеризуется определенным дефицитом эффективности. И, как результат, большим или меньшим уровнем потерь экономики, включая прямые потери (взятки, поборы и т.п.) и разнообразные косвенные потери (издержки) экономики. Причем оценивать эти потери очень трудно, поскольку, например, малые текущие потери – могут вызвать очень большие потери в будущем за счет реализации нынешних ошибочных (или вызванных сугубо частной заинтересованностью) аппаратных решений.

При этом нередко дефицит эффективности аппарата связывают, главным образом, с его склонностью к взяткам, и предлагают бороться с ними контрольно-репрессивными мерами. Однако сам по себе такой контроль малоэффективен уже потому, что он не позволяет исключить разные косвенные формы подкупа.

И это относится вовсе не только к России. Общеизвестно, например, что отставные американские генералы часто переходят на работу в компании по производству вооружений. В американской литературе давно высказывалось обоснованное мнение, что они, во многих случаях, таким своеобразным способом получают "отложенное вознаграждение" за лоббирование специальных интересов оружейников в период своего нахождения на военной службе.

4.4. Спрос на услуги аппарата и проблема оптимальной занятости и оптимальных затрат в системах управления

Современное рыночное хозяйство предъявляет огромный спрос на услуги административного типа – судебной системы, правоохранительных органов в целом, фискальных служб, системы регистрации собственности и т.д., причем потребность рыночного хозяйства в таких услугах много больше, чем в административных экономиках. Одна из причин – в том, что управляющие воздействия на рыночное хозяйство почти всегда нереверсивны, тогда как административные управляющие воздействия нередко можно отменить. Соответственно, для эффективного функционирования рыночного хозяйства нужен гораздо больший объем аналитического обеспечения и численности соответствующего персонала. Так, например, развитая служба занятости обществам социалистического типа не нужна, как не нужен и персонал для начисления и выплаты пособий по безработице.

В СССР и России в условиях административной экономики занятость в общественной администрации была в три раза ниже, чем в США. После перехода к экономике рыночного типа она начала возрастать, а в 1999 г. приблизилась к американскому уровню 1970 г. И это – нормальное явление. Тем не менее, оно, как известно, воспринимается и властью, и массовым сознанием, как негативное и недопустимое, и предпринимаются попытки "сокращения аппарата". Однако объективно в российских условиях существует явная потребность в наращивании численности работающих в системах социального обеспечения, в юридической системе, а также в учреждениях, взаимодействующих с деловой сферой.

При этом проблема затрат на содержание аппарата далеко не так проста, как кажется. Если прямые затраты малы, он, в силу неэффективности, приводит общество (рыночную экономику в целом) к большим потерям за счет некачественного управления. Если затраты на аппарат избыточны, они ложатся негативным нагрузочным фактором на хозяйственную систему и общество. И потому нужно комплексно учитывать как затраты на аппарат, так и прямые (взятки, поборы) и косвенные издержки его функционирования. Достаточный уровень затрат на аппарат – это такой уровень, при котором сумма прямых и косвенных потерь из-за неэффективности аппарата (или издержек, порождаемых дефицитом эффективности аппарата) превышает затраты на содержание аппарата на социально-приемлемую величину.

На практике обычно затраты на содержание аппарата ниже этого уровня. Связано это с тем, что затраты на аппарат нигде не попадают в числе приоритетных. И возникает своего рода порочный круг. Чтобы общество управлялось эффективно, затраты на содержание административного аппарата должны быть относительно и абсолютно велики. Но если общество бедное, оно не в состоянии нести такие необходимые затраты. Однако общество бывает бедным, как правило, в немалой степени из-за неэффективного управления и из-за того, что аппарат управления, недостаточно оплачиваемый легально, работает в "полуприватизированном" режиме. Данная коллизия, как показывает мировой опыт, одна из самых фундаментальных проблем работы современных социокультурных, государственных и хозяйственных систем.

Так, чрезвычайно низкий уровень затрат на управление в СССР, особенно в позднесоветское время, имел следствием недостаточную численность и квалификацию аппаратного персонала, низкую техническую оснащенность управления, и, как результат общей недостаточной "мощности" органов управления, – их низкую оперативность. В этой ситуации и выработался специфический неэффективный стиль советской управленческой работы, характеризующийся медлительностью, практическим отказом от предварительной экспертизы принимаемых крупных решений (то есть, прежде всего, от ответственности), и нередко просто неспособностью своевременно и адекватно оценивать последствия принимаемых решений.

В результате был постепенно утрачен контроль за протекающими в экономике и социальной сфере процессами – сначала на микроуровне, а затем и на макроуровне. В этой катастрофической управленческой ситуации выбор в пользу рынка был сделан во многом потому, что предполагалось, что он работает "сам", без серьезного вмешательства аппаратов. О том, что нужны системы законодательного обеспечения работы рыночного механизма, плюс огромный спектр сопутствующих технических и технологических условий и институтов (согласованность работы отдельных рынков, наличие определенных параметров денежной системы и т.п.) – при этом практически не знали. Страна "свалилась" в рынок потому, что общество и хозяйство стали неуправляемы. А неуправляемы они стали потому, что управляющие лица перестали понимать, каковы свойства объекта управления, и каковы должны быть цели и результаты управления.

По состоянию на 1999 г. затраты на государственное управление и местное самоуправление по отношению к ВВП утроились по сравнению с позднесоветской эпохой и достигли 1% ВВП. Если считать в процентной доле к ВВП – это американский, то есть "как бы нормальный" уровень. Однако уровень такого рода аппаратных затрат, соответствующий реальной нынешней потребности страны, – видимо, примерно вдвое выше. Сейчас это, видимо, постепенно осознается. И, вероятно, предпринимаемые в 2004 г. меры по увеличению расходов на российский управленческий аппарат – лежат в русле такого осознания.

Что же касается по-прежнему регулярно поступающих предложений "экономить на аппарате", то их авторы упускают из виду, что дефицит эффективности "общественной администрации" – весьма дорогостоящая штука. И что ВВП России, который мы собираемся форсированными темпами удваивать, – много ниже, чем мог быть, прежде всего, по той причине, что Россией плохо управляют. Дешевый хороший аппарат иметь нельзя так же, как невозможно одновременно иметь высокие качество и производительность – и низкую оплату труда.

4.5. Слабость аппарата как фактор компенсации неэффективности российского законодательства

Однако эффективный аппарат – безусловный плюс лишь в том случае, когда проводимая властью политика в достаточной степени отвечает потребностям общества. Если же это условие не выполняется, эффективность аппарата может превратиться из социального плюса в минус.

В России эффективность административного аппарата во второй половине XVII века была явно выше, чем в первой его половине, а при Петре I (как бы мы не критиковали его административную систему) была, все же, в целом выше, чем при его предшественниках. Очевидный результат – трансформация сословно-представительной монархии в абсолютистскую и трансформация поместной системы как таковой (помещик – получатель налога в натуральной форме, уплачиваемого крестьянами) в поместную систему с закреплением крестьян на земле и установлением их личной зависимости от помещика. Пока аппарат был неэффективен, а контроль власти за территорией очень ограничен, систему прикрепления крестьян к земле вообще было принципиально невозможно реализовать. Она была создана только после того, как государство обзавелось (относительно) эффективным аппаратом, который мог обеспечить возможность реального возврата (так, по крайней мере, считалось) беглых крестьян помещикам.

Тем не менее, царевна Софья и князь Голицын, не надеясь на такую возможность, еще могли рассматривать вопрос о целесообразности ликвидации крепостного права. Однако после реформ Петра, резко усиливших "мощность" аппарата, – вопрос об отмене крепостного права был надолго снят с повестки дня (точно так же, впрочем, как и вопрос о русском парламентаризме).

Оценки этого факта с экономических, политических, социальных позиций, – как известно, порой диаметрально противоположны. Однако, тем не менее, можно утверждать, что пока административный аппарат более или менее неэффективен, его неэффективность до известной степени защищает общество от полного произвола власти (притом, что неэффективность аппарата всегда является безошибочным признаком того, что между интересами власти и интересами общества налицо значительный "конфликтный зазор").

И реформы Ивана Грозного, и реформы Петра I имели одной из целей увеличение объема подконтрольного власти сегмента общества. Оба государя в этом, в определенной мере, преуспели. Но (как я полагаю, к счастью) не до конца. Однако при этом слабость общего административного и собственно полицейского аппарата в те эпохи оказала определенное влияние и на эволюцию крепостнической системы. Во-первых, слабость аппарата не позволяла решить проблему побегов крестьян. Крестьяне бежали в периферийные области государства, множилось количество "гулящих людей" и в центральных областях. С проблемой староверов полицейский аппарат Московского государства, а затем Петровской Руси также справиться не мог – они, в основном, остались вне системы крепостной зависимости. Во-вторых, хотя переход крестьян от одного помещика или вотчинника к другому был категорически запрещен Соборным Уложением 1649 г. (причем предусматривались разнообразные кары помещикам и вотчинникам, принимавшим беглых крестьян), на деле такой переход широко практиковался.

В результате в стране накапливалась масса беглых крестьян, нелегально проживавших у чужих помещиков. А с переходом России к системе подушного фискального обложения появился и новый явный стимул для помещиков укрывать крестьян от переписчиков и полицейских властей. В итоге в государстве, с одной стороны, образовались, по свидетельствам современников, обширные районы, из которых бежала значительная часть крестьян, а, с другой стороны, возникла масса нелегальных крепостных из беглых. И масса помещиков – нарушителей законов.

Таким образом, формально единый крепостнический уклад фактически расслоился на легальный и нелегальный субуклады. Причем помещики, "пользовавшиеся" чужими крестьянами и скрывающие их от фиска (с тем, чтобы подати шли в их собственный карман), уже не могли обращаться с крестьянами с предельной суровостью. Между помещиками и крестьянами возникла своего рода ситуация "круговой поруки", направленной против контролирующих, фискальных и репрессивных усилий аппаратов власти. И это одна из основных причин того, что помещики были вынуждены, если размеры поместья это позволяли, допускать развитие своего рода "самоуправления" среди принадлежащих им крестьян. Именно так в России возникла, по ряду исторических свидетельств, массовая "вторичная" община.

Но это же обстоятельство "круговой поруки" между помещиками и крестьянами способствовало, начиная с последней четверти XVIII века, широкому явлению перевода крепостных на оброк. При этом формальное положение крестьянина, платившего оброк помещику, объективно мало отличалось от положения гражданина современного демократического государства, платящего налоги. То есть, в теории законы, "развивавшие" крепостнический режим в России, "развили" его до рабовладельческого уклада (такая идея настойчиво проводится во множестве публикаций). На практике же слабость и коррумпированность государственной системы полицейского контроля не позволила практически реализовать потенциал крепостнической системы в ее российском варианте.

В связи с этим – еще одно важное замечание. Обычно считают, что общественная свобода создается представительными учреждениями. В России же, напротив, основной шаг в закреплении большей части населения (Уложение 1649 г.) был сделан представительным Земским собором. А главным ресурсом свободы ("воли"), которым располагало российское общество с начала конца XV века и по 1861 г., оно оказалось обязано несовершенству российской административной системы. Причем взятки и поборы со стороны бюрократических аппаратов в российских условиях приобретали, как правило, характер своего рода "платы за свободу". Но и при Сталине, при наличии "драконовских" законов о наказаниях за хищение социалистической собственности, деревня жила в огромной мере за счет воровства из колхозов и совхозов. Особенно массовыми нарушения законов стали в "застойное" и позднесоветское время. И это способствовало укоренению в обществе отношения к закону, как к чему-то, что надо соблюдать не всегда. А также массовой убежденности в том, что обычай и локальные представления о справедливом, – имеют преимущество перед законом.

Это отношение к закону почти полностью перешло в Новую Россию. Негативные последствия – очевидны и многократно обсуждались. Однако такое отношение к закону имело и определенные ситуативные плюсы. Так, в частности, функционирование экономики России в 1994-1999 гг. и позднее, при наличии чудовищной просроченной задолженности предприятий (то есть ситуации фактического поголовного всеобщего банкротства), возникшей из-за созданного государством дефицита платежных средств в обращении, было теоретически невозможно. Оно было бы и практически невозможно, если бы это положение принималось бы всеми социальными и экономическими акторами всерьез, "по закону" (и если бы очень быстро в ход не пошли разнообразные платежные суррогаты, использование которых законом не предусматривалось).

Глава 5. Кризисы управляемости Российского государства и теневая социально-экономическая контрсистема

В любом обществе имеются секторы, поддающиеся прямому и косвенному (в том числе административному) управлению, и секторы, не поддающиеся такому управлению. Причем эти секторы частично отделены и противопоставлены друг другу ("видимы"), а частично находятся в сложной суперпозиции, в которой определенная часть "неуправляемого" сектора плохо поддается наблюдению или невидима.

В Европе (в странах с рыночным хозяйством) нерегулируемый государством сектор всегда был относительно велик, но его теневая компонента была, как правило, невелика и не имела большого социально-экономического значения. Заметим, однако, что сейчас она находится в фазе быстрого роста, в том числе в связи с изменениями в структуре населения в пользу социально и культурно "маргинальных" (в том числе, иноэтничных и инокультурных) групп. В Азии же почти повсеместно была особенно велика скрытая, ненаблюдаемая компонента нерегулируемого сектора. Вероятно, максимальной величины это явление достигло в Китае – классической стране тайных обществ, длительное время жестко противостоящих власти. В России ситуация "промежуточная" между Европой и Азией, причем здесь доля организованных компонент ненаблюдаемого сектора всегда была невелика, а неорганизованных, наоборот, очень велика.

Очень часто вопрос эффективной экономической управляемости пытаются сводить к единственной проблеме силы, или, наоборот, слабости государства. Причем в либеральных концепциях "благое" слабое государство "освобождает силы рынка" и, тем самым, всегда обеспечивает (за счет этого самого рынка) наилучшую косвенную управляемость и

экономическую и социальную динамику. И в этом смысле даже теневая экономика – благо, поскольку она, с одной стороны, является индикатором неудачных попыток государства "задушить рынок", а с другой – оказывается этим самым перспективным рынком, победно прорывающимся сквозь государственные административные рога.

Однако в реальности именно слабое государство, крайне развращенное и коррумпированное во всех своих административно-управленческих звеньях, не будучи способным эффективно управлять социально-экономическими процессами, вызывает невероятное "распухание" теневой хозяйственной деятельности во всех сегментах национальной экономики. А далее происходит сращивание двух пирамид власти: коррумпированных (и пронизанных "полномочными представителями" криминалитета) легальных бюрократических структур – и крупных оргпреступных сообществ (как правило, быстро приобретающих транснациональный характер). И – неявное взятие под контроль этим союзом "параллельной теневой экономической власти" решающих позиций в национальном хозяйстве, а затем распространение криминальной этики и мафиозных стилей социального и экономического поведения на широкие массы общества. Как это происходит и во что выливается – мы достаточно наглядно увидели в Чечне после 1992 года.

Есть и другая крайность представлений об экономической "управляемости", которую часть "неолибералов" называет "латиноамериканским сценарием" и связывает с мощным и активным государством, силой "навязывающим" обществу либеральные реформы. При этом в качестве примера нередко приводится "курс Пиночета" или, шире, "эпоха либеральных реформ" 80-х годов XX века в Латинской Америке. Но именно "долиберальные" 50-е – 70-е годы XX века дали наивысшие темпы роста экономик Латинской Америки (в среднем 6-7% в год) при снижении социальной дифференциации и социально-политической напряженности. А вот эпоху либеральных реформ 80-х годов в литературе открыто называют "потерянным десятилетием": средние темпы экономического роста обрушились до 1,2% в год, а по доходам на душу населения обнаружился даже спад в среднем на 1% в год.

В России общий уровень социально-экономической "неуправляемости" всегда был очень значителен. И потому любое длительное управляющее воздействие, результатом которого должны стать заметные изменения в социально-экономической структуре, – в российских условиях сильно и в обязательном порядке искажается наличием теневого нерегулируемого сектора. Так было при опричнине Ивана Грозного, и при Петровских реформах, и в революциях 1917 г. (как февральской, так и октябрьской, когда теневой нерегулируемый сектор вышел наружу), и в советский период.

Для повышения управляемости страны в России применяли, в течение большей части ее истории, два основных средства – увеличение государственного нефинансового хозяйства (государственного домена) и административно-силовой нажим. Однако на практике постоянно оказывалось, что наиболее эффективным средством повышения социально-государственной управляемости является, все же, увеличение объема госсобственности. То есть, дефицит управляемости и потребность в его изживании, – в России постоянно выступали в качестве мощных укладообразующих хозяйственно-экономических и социально-политических факторов. И, видимо, не в последнюю очередь именно это обстоятельство – подвигло большевиков в период глубокой послереволюционной потери управляемости страной к почти тотальному огосударствлению национального хозяйства.

В дальнейшем этот "перекос" тотального огосударствления отчасти планомерно, а отчасти стихийно, за счет естественных низовых (в том числе теневых) инициатив был в какой-то мере подправлен. Однако по состоянию на 1990 г. Россия обладала государственным доменом явно избыточных размеров. В 1995 г. (после мощной приватизационной волны) он был уже примерно таким же, как в 50-е – 60-е годы XX века в большинстве стран Западной Европы. В настоящее время он примерно таков, каким был в Европе к 70-м годам XX века и в Канаде до Второй мировой войны. То есть, размеры государственного присутствия в экономике РФ следует уже сегодня считать весьма скромными.

Но при этом необходимо помнить еще об одном крайне важном обстоятельстве. Как показывает мировой исторический опыт, норма государственного присутствия в экономике – функция системы рисков, в рамках которых протекает хозяйственно-экономическая деятельность.

Чем эти риски выше, тем больше необходимая "норма" государственного присутствия в экономике. И именно поэтому призывы ориентироваться в нынешних российских реформах на аналогии в виде современных США или Великобритании – совершенно некорректны.

Фактором, сокращающим потенциал способности государства влиять на общество в целом, является и сам российский экономический кризис. Причем главная проблема не в том, что промышленное производство может и далее упасть, а финансовая ситуация может ухудшиться (хотя и это возможно). Основная проблема заключается в других, прежде всего, социальных, кумулятивных эффектах кризиса. В том числе в таких эффектах, как пауперизация населения, ускоренное вымирание старших, наиболее пассивных в социальном отношении возрастов, массовая утрата лояльности к власти и веры в демократические институты, широкое распространение нелегитимных форм экономического и социального поведения, углубление криминализации, увеличение активного протестного потенциала. В настоящее время по всем перечисленным параметрам ситуация в стране меняется в сторону "нарастания неуправляемости" и, соответственно, сокращения возможности "регулировать сверху" российское общество и протекающие в нем процессы.

Часть II. Социальные ограничители и риски российских рыночных реформ

Глава 6. "Маргинальный" социальный ограничитель процессов экономической либерализации в России

6.1. Маргиналы как источник революционной энергетики в российских революциях XX века

Представляется, что и "буржуазно-демократические революции" 1905 и 1917 годов, и "пролетарская революция" 1917 года – реально были "революциями маргиналов". Причем революция отличается от реформы, прежде всего, крайне высокой массовой энергетикой. А ее и во время революции 1905 г., и во время революций 1917 г. – было более чем достаточно.

Точно так же случилось и во время Великой Французской революции. "Узников деспотии", которых нужно было освобождать, в Бастилии фактически не было. Но у толпы, явившейся к "оплоту королевской власти", было сколько угодно энергетикой и криминальных наклонностей. И эта толпа, за отсутствием узников, разгромила Бастилию и перебила (не пытавшихся сопротивляться) солдат-инвалидов, составлявших ее гарнизон.

Все без исключения "большие" революции предполагали сначала накопление в течение более или менее длительного периода социального материала, склонного к насильственным действиям. Известно, что масса, состоящая из законопослушных элементов и лишенная организующего ядра из лиц с субкриминальной психологией, готовых выходить за пределы поля легальной деятельности, – может терпеть "сколько угодно". Действительно не может терпеть – масса криминально настроенных элементов. И как только она становится социально значимой – для предотвращения революционных взрывов нужно поместить ее под жесткий "политический пресс". То есть, противопоставить потенциальному революционному насилию – насилие власти.

И революция 1905 года, и Февральская революция имели своей необходимой предпосылкой "ослабление власти". Но ослабления власти, самого по себе, недостаточно для революционных взрывов. Для таких взрывов нужна еще "социальная взрывчатка", а также "детонаторы" и "подрывники". Однако если "социальная взрывчатка" в стране налицо, а власть заметно ослабела, то "детонаторы" и "подрывники" находятся почти всегда.

Социально-психологический портрет представителя "социальной взрывчатки", наличие которой делает возможными революции, позволяют вполне показательно прояснить уже события февраля 1917 года. Старая ненавистная власть рухнула. Казалось бы, можно успокоиться. Однако этого не происходит. Начинаются массовые и все более жестокие убийства. "Революционное насилие" фактически превратилось в особого рода "социальный институт". Помещики бежали из деревни: они с их семьями находились далеко от власти, которая могла бы их защитить. Администрация большинства заводов "сразу и дружно" сдалась местному "пролетариату" из "рабочих комитетов" – они запросто могли убить. Местные администрации царских времен

массово капитулировали перед представителями "советов", которые мало кого представляли (и все это понимали), но могли убить и нередко убивали. Уже в начале 1917 года, задолго до большевиков, убийство стало в России чем-то в высшей степени "обыкновенным". Причем, по некоторым оценкам, на фронте убивали меньше, чем в тылу.

Второй акт российской драмы начинается октябрьской революцией. Большевики приходят к власти в Петрограде. Сначала у них была маленькая власть, так сказать, петроградского масштаба. Ленин не мог даже уклониться от созыва Учредительного собрания. И, тем не менее, по всей стране власть перешла в руки групп, числивших себя "под Лениным". Произошло это в большой степени благодаря тому, что повсюду на местах в изобилии имелись претенденты на власть, способные к массовому насилию. Захват власти большевиками в Петрограде такие "претенденты" восприняли, как сигнал к действию. И начали действовать. То есть, захват большевиками власти привел к институционализации социального положения массы активных полукриминальных и даже просто криминальных элементов. И Февральская, и Октябрьская революция не были пролетарскими. И та, и другая – были революциями маргиналов.

А далее ленинская партия оказалась перед необходимостью решения крайне сложной задачи: отнять власть на местах у объявивших себя "большевиками" радикальных маргинальных групп. Тех групп, которые, уже "по факту" превратили себя на местах в официальных и полномочных представителей новой центральной власти. Власть у них необходимо было отнять уже по той причине, что первоначально дееспособность местных представителей советской власти ограничивалась почти исключительно практикой "грабь награбленное". Но, главное, эти маргинальные элементы и группы нужно было срочно отстранить от власти, поскольку они вообще не желали никого слушаться. Для этого потребовалась сила, которая была в состоянии заставить безусловно себе подчиняться, и которая выполняла бы приказы, не торгуясь. Потребовались латышские стрелки и режим массовых внесудебных расстрелов. И не только они.

Преобразование первоначальной Чрезвычайной комиссии эпохи Временного правительства, которая занималась делами царского режима, в грозное ЧК (еще в 1917 году!) произошло вовсе не от любви большевистской власти к репрессиям. Оно находилось в прямой и непосредственной связи с потребностями не только защиты наличного административного ресурса от посягательств "контрреволюционеров", но и концентрации этого ресурса в руках Ленина и его окружения для того, чтобы отобрать у маргиналов и реально консолидировать власть.

Заодно заметим, что первоначально одной из главных задач ЧК была борьба с беспризорностью. Мы сегодня, к сожалению, слишком плохо представляем, что такое массовое "деклассированное и маргинализованное" молодое поколение, у которого нет никакого ясного будущего, но уже полностью (или почти полностью) сняты "социальные тормоза". А вот большевистской послереволюционной власти это было предельно ясно. Новая власть отчетливо понимала, что ситуация, когда в глубокую и тотальную маргинальность (а заодно криминальность) погружается огромная часть молодого поколения – не сулит этой власти никаких перспектив. И эта власть старалась сделать все возможное (включая использование одного из своих наиболее мощных и дееспособных ресурсов, ЧК) для того, чтобы переломить тенденцию массовой молодежной маргинализации. В дальнейшем ЧК занялось по преимуществу "борьбой с контрреволюцией". Но это было потом.

Достаточно быстро сделанная при формировании Красной армии ставка на специалистов царской эпохи, то есть на офицерство (при том, что контрреволюция имела, в целом, ярко выраженный офицерский характер), – также диктовалась, не в последнюю очередь, потребностями создания послушного военного аппарата при невозможности выстроить таковой из "люмпен-большевиков". Царский офицер при формировании воинских частей оказывался, как правило, предпочтительнее такого "большевика" прежде всего потому, что ему можно было приказывать и быть уверенным, что он будет выполнять приказ.

Захват власти с помощью полукриминальных люмпенов, удержание ее в первый период с помощью тех же люмпенов, форсированное создание структур, которые в состоянии заменить этих люмпенов, затем вытеснение люмпенов из сферы политической и экономической власти методом смещений и перемещений, расстрелов за реальные и выдуманные прегрешения, "чисток"

партии, – таким был "алгоритм" политической жизни Советской России в первые годы. Заметим, что примерно то же самое было характерно и для Великой французской революции.

В результате уже в 1922 году советский и партийный аппараты, и даже аппарат ЧК, – с точки зрения кадрового состава и механизмов работы приняли совершенно другой вид по сравнению с ситуацией 1917 или 1918 года. Воинствующие люмпены были устранены из аппаратов и, в значительной части, вытеснены из партии. Они были в огромных количествах истреблены белыми в начальный период гражданской войны, когда люмпен пошел сражаться с "офицером", и когда ни белые, ни красные – пленных не брали. В немалом количестве "воинствующие маргиналы" были расстреляны при советской власти в качестве уголовников. И, наконец, они были в заметном количестве перебиты в качестве "врагов советской власти" – при подавлении восстания в Кронштадте, в процессе борьбы с Махно и разнообразными "зелеными" и другими бандами, при подавлении Антоновского и других крестьянских восстаний.

Нам, далеким от той эпохи, действительно очень трудно понять, каков был этот тип маргинализованного "революционного сознания", и насколько трудно было его "вводить в берега". Однако Багрицкий, Бабель или Платонов не создавали в своих творениях некий иллюзорный мир, а очень многое точно "рисовали с натуры". Натура же была такова, что обуздать ее любой власти было абсолютно необходимо. В том числе и не в последнюю очередь – жестоко-репрессивно. Но не только. Одновременно с подавлением советская власть развернула и реализовала огромные программы по "коллективистской социализации" широких социальных низов. В этих программах была и борьба с беспризорностью, и массовая ликвидация неграмотности, и коллективизация, а затем индустриализация, и мощная пропаганда высокого социального статуса "трудящихся" и многое другое. Все это обеспечивало значительной части маргинальных масс социальную перспективу и даже, нередко, подчеркнутые социальные приоритеты (пресловутое "рабоче-крестьянское происхождение", дававшее его обладателю несомненные преимущества на советской "лестнице" вертикальной социальной мобильности).

После того, как концентрация маргиналов, "гуляющих на краю социального поля", начала в стране приближаться к "нормальному уровню", база для революций с участием широких народных масс была в России надолго уничтожена. События 1936-1938 годов, конечно, тоже были революционным (точнее, контрреволюционным) переворотом, но массы в них не участвовали. События 1990-1991 годов, с точки зрения масштабов последствий, носили вполне революционный характер. Но массы в них также, по большому счету, не участвовали. Наконец, российские массы были почти совершенно пассивны и во время кризисных событий осени 1993 г. А потому возникло очень широко распространенное мнение, что массы в России "успокоились навсегда".

Для этого мнения, на первый взгляд, есть вполне серьезные и убедительные основания. Это, например, чрезвычайная пассивность большинства рабочих на заводах. В 1990-1991 годах их было свыше 20 млн., и они никак всерьез не реагировали ни на утрату своих сбережений, ни на стремительное снижение уровня жизни, ни на хронические невыплаты зарплаты, ни даже на массовые увольнения. Другой массовый и потенциально крайне взрывоопасный контингент – армия – все постсоветское время реагирует на нарастающие материальные и психологические невзгоды не бунтами, а преимущественно деградацией и мелким воровством. А также – самоубийствами, количество которых исчисляется уже многими сотнями в год.

Однако перечисленные факты были бы доказательством невозможности в России крупных массовых движений "с революционным окрасом", если бы революции действительно делались "организованными рабочими", или "сознательными трудящимися", идейными противниками "капиталистической эксплуатации", или, наконец, "голодными военными". Но революции в реальности практически везде и всегда делаются большим количеством "разогретых" маргиналов.

6.2. Возникновение устойчивых зон социального противоборства и их типология

Если количество маргиналов в обществе превышает определенный, пороговый для данных условий, уровень, – острый социальный кризис становится неизбежным. Однако лишь в частном случае он принимает знакомую нам по истории XIX и XX веков форму массовых революционных движений. Последние, в зависимости от конкретных условий, могут иметь результатом либо успешную (или неуспешную) "точечную" революцию", либо возникновение территорий, выпадающих из государственного правового поля. В таких условиях возможна и "очаговая

революционная ситуация": когда центры революционных возмущений носят множественный слабо связанный характер, и "прогрессирующий революционный паралич" общества и хозяйства в условиях вынужденного длительного "сосуществования" революционных элементов и власти.

Ярким примером локальных ("точечных") революций являются классические "Парижские" революции XVIII – XIX веков. Переполненный огромным количеством люмпенов, Париж многократно "взрывался" почти на протяжении 100 лет, причем по самым разным "поводам". Парижские революции прекратились только после того, как развитие национальной экономики создало в городе огромное количество рабочих мест. То есть, имела место, на первый взгляд, парадоксальная ситуация. Не было массовых рабочих партий – были непрерывные революции. Появились массовые рабочие партии и профсоюзы – и революции прекратились.

Ситуация действительно парадоксальная, если считать, что революции делаются группами и элементами, интегрированными в социальную ткань общества. Но она вполне закономерна, если понимать, что революции делаются, прежде всего, сообществами лиц без определенных занятий и легальных источников средств к существованию. И уже поэтому – со значительной прослойкой криминальных и полукриминальных элементов и вообще людей, устойчиво находящихся вне общего нормативного (правового и морального) социально-государственного поля.

В отношении Февральской революции в России можно с большой долей уверенности утверждать, что не было бы скопления запасных полков в Петрограде (около 200 тыс. человек) – не было бы и революции. "Запас социальной взрывчатки" чисто гражданского происхождения в городе в это время был явно недостаточным для развертывания революционных действий.

Октябрьская революция 1917 года дает типологически другую ситуацию возникновения острого революционного кризиса. Ей, как известно, предшествовал этап двоевластия. Временное правительство делило власть с революционными элементами, и в том числе – с большевиками. Но при этом гарнизоны обеих столиц, Балтийский флот и значительная часть фронтовых частей – уже были под преобладающим влиянием ленинцев. Нормальный правопорядок (подчинение административным органам Временного правительства) на всех более или менее крупных промышленных и непромышленных предприятиях был ликвидирован. Там, в основном, уже распоряжались местные "советы" и фабрично-заводские комитеты. На железнодорожном транспорте распоряжался "Викжель" – Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников. Деревня жила по своим собственным законам. Еще летом 1917 года (а кое-где даже раньше) был произведен захват не только помещичьих земель (которых было тогда немного), но и гораздо больших по размерам казенных земель.

То есть, произошла катастрофическая фрагментация политического пространства. Российское государство оказалось фактически разделено между революционными и "полуреволюционными" группами – и "легитимной властью". Кроме того, немалая часть совокупного "ресурса власти" попала в руки разного рода "самостийников" (на Украине, Кубани, Дону) и "областников" (в Сибири и на Урале). В этих условиях захват монополии на власть в Петрограде и затем в Москве лишь позволил большевикам приступить к захвату власти в масштабах всего государства, что на практике оказалось длительным и очень тяжелым процессом. И они сначала не могли обойтись без союзников из других "революционных" партий, включая правых эсеров, причем "пакет влияния" на маргинальные революционные массы в большевиков на этом этапе был весьма далек от "контрольного". Именно по данной причине, как позднее выражался Сталин, "Ленин гнал партию на переворот палкой". И итоговый успех большевиков в этом перевороте вовсе не был предопределен.

Отметим, что эта российская ситуация – не уникальна. Нечто в том же духе имело место в Испании, в период борьбы с Франко. В течение почти трех лет территория, контролируемая республиканцами, и армия, были разделены между отдельными партиями (как и в России осенью 1917 года и в 1918 году). Эти примеры показывают, что и в эпоху "классических" социальных революций следствием революционного кризиса может быть не только быстрая победа одной из противостоящих сил, но и более или менее устойчивая фрагментация политического пространства и его разделение на зоны с различным правовым режимом.

Заметим также, что в маргинальной среде вполне возможны весьма нетрадиционные социальные роли и способы поведения. И это – вовсе не особенность нашей эпохи. Так, в Галлии в

период ее завоевания Цезарем существовала практика "самопродажи" людьми себя самих для целей человеческих жертвоприношений. В чем-то близка по социальному содержанию и такая, весьма распространенная на Руси в XVI – XVII веках, практика, как самопродажа в холопы (то есть, фактически, в рабы). В современную эпоху аналогичное происхождение имеет и часть террористических актов с участием шахидов: маргиналы просто продают себя организаторам терактов (хотя это, как правило, тщательно маскируется идеологическими мотивами).

Между тем, сейчас мировой социально-экономический механизм воспроизводит люмпенов в чудовищных количествах. Причем многие исследователи отмечают, что запущенные с 80-х годов XX века процессы форсированной либерализации мировой экономики, эрозии власти местных элит и их "десакрализации" и "делегитимации", – резко увеличили масштабы и темпы этого "воспроизводства". Соответственно, неуклонно растет и количество потенциальных террористов. При этом дело, скорее всего, не в том, что либеральная глобализация обострила "войну между цивилизациями" и перевела ее из "холодной" в "горячую". И не в том, что эти процессы увеличили число приверженцев ислама, – а отсюда, мол, и рост числа потенциальных смертников, "мучеников за веру". В действительности, по данным статистики, приверженность исламу в целом не растет, а постепенно падает. А вот число потенциальных и фактических шахидов растет.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. В любом обществе при данных условиях существует такой вышекритический уровень его маргинализированности, при котором оно утрачивает социальную и правовую стабильность.

2. По достижении этого вышекритического уровня начинает, в тех или иных формах, разворачиваться социальный кризис, который всегда и неизбежно инициирует кризис хозяйственно-экономический.

3. Всегда существует такой вышекритический уровень маргинализированности общества, при котором даже очень жесткая репрессивная активность власти (как сейчас в Ираке) не позволяет стабилизировать социальную ситуацию без фундаментальных изменений ключевых параметров социально-экономической и политической системы.

4. Крупным, сжатым во времени, социальным переворотам, инициированным массовыми движениями, всегда предшествует накопление в центрах государственного управления большой по численности и "разогретой" маргинальной массы.

5. Вызванный вышекритической маргинализированностью общества кризис может поразить сначала центры государства, а затем распространиться на периферию. Однако, возможна и обратная ситуация – кризис начинается в тех или иных точках на периферии, постепенно распространяется по горизонтали и, в конце концов, может захватить и центр, создав в нем непреодолимый "кризис власти".

6. В условиях устойчивого "периферийного кризиса" автоматически возникают территориальные анклавов, находящиеся вне основного правового поля, или вообще вне какого-либо правового поля. При этом государственная территория может подвергнуться правовой и политической фрагментации за счет формирования в ней зон (не обязательно кризисных) с различным правовым режимом и различным отношением к общегосударственной власти.

На наш взгляд, в рамках нынешнего (инерционного) варианта экономической и социальной политики – нельзя исключать перспективу возникновения в стране кризиса с совокупной энергетикой, достаточной для острой и глубокой трансформации российской социально-экономической ситуации. Более того, нужно подчеркнуть, что в ситуациях кризисных действий российские маргиналы психологически легко "вспоминают" те общинные навыки любых (прежде всего, силовых) коллективных противостояний, которые отечественная социальная жизнь закрепляла в течение многих столетий. Отметим, что именно такими специфическими российскими общинными навыками историки неоднократно объясняли некоторые – казавшиеся невероятными и необъяснимыми – исторические победы русского оружия. Но заодно отметим, что, видимо, к этим же навыкам адресовался и Пушкин, когда писал "Не дай вам Бог увидеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный".

6.3. Факторы маргинализации общества и механизмы формирования социальных кризисов в Старой России

Еще в 1880 г. маргинальные элементы не представляли особой проблемы для Российской империи. Существовал, правда, традиционный тип маргинала в виде постоянно нищенствующих ("именем Христа") и разного рода "бомжей"-странников. Определенных источников существования все такие люди не имели. Однако авторитет традиционной православной идеологии и монархической власти ("царя") они, как правило, признавали.

Такие "протомаргиналы" сами по себе стать источником социально опасных для существующего порядка инициатив не могли. Однако, как выяснилось в ходе революции 1904-1906 годов, они поддавались мобилизации, прежде всего, в рамках черносотенных практик и, шире, практик религиозного фундаментализма. А в этом качестве – уже играли заметную социально активную роль. Отметим, что аналогичные по социальной позиции элементы сыграли очень важную (по ряду оценок – ключевую) роль во время "революции Хомейни" в Иране.

Массовая генерация "нового" для России маргинального социального типа началась в 80-е годы XIX века. В это время и позднее новый – уже в полном смысле этого слова маргинальный – тип порождался ростом аграрного перенаселения; соответственно, миграцией в города из деревни; миграцией в столицы из всех частей империи; неспособностью городов поглотить и обустроить пополняющуюся рабочую силу; соответственно, огромной явной и скрытой безработицей; процессом постепенной криминализации городов, в первую очередь – крупнейших.

В социально-психологическом и нормативно-этическом отношении "новый" маргинал характеризовался, как правило, религиозной индифферентностью. Официальная церковь и религиозная практика были ему совершенно чужды. Царь для этого маргинала не был авторитетом никогда, а с течением времени стал рассматриваться в одном ряду с жандармами и полицейскими, то есть, в качестве врага. Но он, как правило, умел хотя бы немного читать. И, соответственно, поддавался воздействию печатного слова. А значит, уже мог, в определенной степени, быть таким воздействием организован и мобилизован. Заметим, что в пьесе Горького "На дне" "новые" маргиналы даже вовсе не глупо "философствуют". Это, конечно, отчасти перебор (такие маргиналы были исключением), но тенденция уловлена верно.

При этом огромное влияние на психологию маргиналов (и даже определенной части немаргинальных элементов) оказывал растущий, в силу вышеизложенных причин, криминальный сектор маргинального сообщества. В 90-е годы XIX века и, особенно, в начале XX века, – Россия обзавелась уже вполне "современным" уголовным миром, с отчетливыми структурами организованной преступности. Что было ярко и доказательно описано, например, в репортажах и книгах В.Гиляровского. Количество людей, вовлеченных в уголовные практики, вплоть до 1917 года неуклонно возрастало. Уголовный мир обзавелся собственной "субкультурой", модами, героями, традициями. Сформировавшиеся в этом уголовном мире "криминальная этика" и стандарты поведения – стали регулярно заимствоваться значительной частью населения. Более того эти стандарты пережили и советскую власть. А в их перечень входило абсолютное отторжение любой власти и всего, что связано с властью.

Российский пролетариат мог усвоить идею бескомпромиссного отвержения существующей власти из двух главных источников: агитация представителей левых партий и практики уголовного мира. Решающее значение, вероятно, имел второй источник. Из него, скорее всего, почерпнуты идея "круговой поруки" ("пролетарской солидарности"), практика убийств "предателей" и вообще "вредных людей". То есть, типология социального действия российского "пролетариата" формировалась в очень большой степени под влиянием уголовного мира.

Представляется совершенно очевидным, что в 1904 году, еще до начала революционного процесса, Российская империя уже имела в себе огромный заряд "социального динамита", созданного процессом маргинализации общества. А правительство рассчитывало только на конфронтацию с организованными силами оппозиции, понимало очень скромные масштабы и влияние такой оппозиции, и потому не слишком беспокоилось. Власть никак не предполагала, что для борьбы с революцией потребуется широкое и длительное применение вооруженной силы. И к такому применению – совершенно не готовилась.

То есть, в реальности вызревание кризисной ситуации почти всегда в своей существенной части ускользает от внешних наблюдателей. Крупный социальный кризис обычно возникает раньше, чем это предполагают и, опять-таки, как правило, характеризуется гораздо большей, чем ожидается, социальной энергетикой. Так было в 1905 году. Так было в феврале 1917 года. Так было и в октябре 1917 года.

В том что касается Февральской революции, ситуация в глазах власти выглядела следующим образом. Полиция была "на уровне". Рабочим на заводах платили хорошо. Кроме того, поскольку работа на заводе спасала от фронта, были основания рассчитывать на лояльность "пролетариата". Буржуазии военные заказы обеспечивали баснословные прибыли, и трудно было предполагать, что она захочет убить "курицу, которая несет золотые яйца". Не было предвидено главное – перерождение армии за время войны. В глазах царя армия была той же кадровой армией, которая вступила в борьбу в 1914 г. Тем более, что кризис боевого снабжения к 1917 году был изжит, и армия вновь стала побеждать.

Однако в действительности российская армия к началу 1917 года представляла собой, по сравнению с 1914 годом, совершенно другой организм. Уже в 1915 году армия начала грабить. Непосредственная причина – плохая работа интендантства, которое в условиях маневренной войны не обеспечивало войска продовольствием. Затем продовольствие появилось, но армия уже "привыкла" грабить. Тогда было установлено: за грабеж – расстрел. Но, несмотря на угрозу расстрела (и в отдельных случаях – показательные расстрелы), грабить продолжали. Опытные кадровые офицеры большей частью либо погибли в боях 1914-1915 годов, либо, получая повышения, перестали непосредственно заниматься воспитанием солдат. Кроме того, по сравнению с 1914 годом, армия увеличилась в несколько раз. В результате к началу 1917 года в ней огромное большинство составляли офицеры военного времени, подготовка которых велась по ускоренным программам. Они, в большинстве своем, просто не умели "держат солдат в руках". В общем итоге – дисциплина даже в действующих войсках начала падать, причем очень резко.

Но в армии начала 1917 года на одного солдата на фронте приходилось два-три солдата в тылу. А за время пребывания в тылу не только солдаты, но и низовой командный состав сплошь и рядом "разлагались". Отметим, что это было не только в российской, но и в германской армии.

Сравнение жизни в тылу и на фронте также не способствовало повышению боевого духа. Тезис "они там жируют, а мы здесьдохнем" распространялся очень быстро. Пошли массовые сдачи в плен и, в особенности, дезертирство. К февралю 1917 года желание воевать у большинства солдат и значительной части офицеров, видимо, испарилось. В результате к этому моменту армия империи представляла собой скопление вооруженных людей с низкой дисциплиной, с развитыми грабительскими наклонностями, с враждебным отношением к офицерам и массовой склонностью к насилию. Поэтому не удивительно, что, когда в Петрограде начались волнения, запасные части, составлявшие гарнизон, просто забыли о царе, отечестве и присяге (причем вместе с большинством офицеров), и оказались на стороне революции. Одним из явных мотивов такого поведения было, по свидетельствам современников, стремление избежать отправки на фронт.

Перерождение российской армии в 1914-1917 годах дает ярко выраженную картину "индуцированной маргинализации". Сообщество, которое изначально никак не было маргинальным, за три года превратилось в массово-маргинальное и, соответственно, в крупнейший социально-дестабилизирующий фактор. Это особенно показательно, поскольку в данном случае таким сообществом был основной силовой аппарат государства. То есть, феномен "индуцированной маргинализации" делает возможным буквально "скачкообразное" увеличение степени маргинализованности общества и его переход, за очень сжатые сроки, из социально стабильного состояния – в состояние социально кризисное.

Попытаемся резюмировать выводы из опыта Старой России применительно к процессу маргинализации общества и формированию социального кризисного потенциала:

1. Маргинальное сообщество с развитым криминальным ядром может оказывать решающее влияние на крупные общественные процессы и на общество в целом.
2. Если степень маргинализации общества, при наличии у него развитого криминального ядра, превышает критический уровень, избежать социального кризиса становится очень трудно.

3. Процессы роста потенциала социальной нестабильности за счет маргинализации общества – улавливаются очень плохо. Уровень и "ресурс" социальной стабильности в условиях маргинализации общества – как правило, преувеличивается.

4. Необходимо считаться с наличием феномена "индуцированной маргинализации". И, соответственно, с возможностью быстрого превращения отдельных сегментов общества (включая жизненно важные для его существования структуры), в глубоко маргинализованные образования, способные массово усваивать криминальные поведенческие стереотипы.

Глава 7. Криминальный сегмент общества и российское социально-экономическое пространство

7.1. Криминализация общества в Новой России. Возможные последствия и потенциал влияния на социальную и экономическую стабильность

Между маргинальными сообществами Старой России, СССР и Новой России существуют значительные, в том числе структурные, различия.

Структура маргинального сообщества Старой России имела развитый характер и характеризовалась наличием мощного криминального ядра плюс массивной периферии в виде лиц с нерегулярными (и недостаточными для нормального образа жизни) доходами (некриминальные маргиналы). Отторжение господствующей в обществе системы ценностей в этой среде было практически тотальным.

Маргинал эпохи СССР, как правило, располагал легитимными источниками существования (или мог легко их приобрести) и возможностями полной или частичной социализации. Поэтому есть основания характеризовать его как тип "частичного маргинала". Чистый маргинал в последние десятилетия СССР был представлен, по преимуществу, уголовными элементами. Причем и в этой среде отторжение советской системы ценностей далеко не всегда было тотальным и безусловным. Структура маргинального сообщества советской эпохи характеризовалась наличием довольно рыхлого криминального ядра (ввиду слабости организованной преступности вне сферы чисто экономических преступлений мафиозного типа) – и относительно тонкой периферии в виде "некриминальных маргиналов". То есть, в отличие от маргинального сообщества Старой России, структура маргинального сообщества позднего советского периода может характеризоваться, как неразвитая.

Форсированный переход к системе рыночного хозяйства имел в части, касающейся маргинального сообщества России, следующие результаты. Прежде всего, в Новой России проявилась тенденция к восстановлению "обычной" структуры маргинального сообщества, за счет формирования развитого криминального ядра и мощной периферии из "некриминальных маргиналов" (в виде широких групп социально неопределенных лиц с нерегулярными и недостаточными доходами). При этом сначала "опережающими темпами" росло криминальное ядро, а уж затем, примерно со второй половины 90-х годов, стала быстро развиваться его периферия в виде массы "некриминальных маргиналов". При этом рост криминального ядра маргинального сообщества, несомненно, продолжается.

Картина, которую дает статистика, не оставляет сомнения, что криминальное сообщество Новой России глубоко трансформировалось и приобрело качества "зрелости" и "развитости" в период 1991-1995 годов. Число преступлений с 1990 по 1995 год почти удвоилось, число убийств и покушений на убийство увеличилось ровно в 2 раза, число разбоев – более чем в 2 раза. А после 1995 года темпы роста количества преступлений снизились, что многими специалистами трактуется как приобретение российской преступностью качества "зрелости".

В 1990 году российское криминальное сообщество практически не располагало устойчивым ядром в виде системы организованной преступности. В 1995 году такое ядро было уже налицо. Соответственно, количество зафиксированных преступлений, совершенных организованными группами, проявило тенденцию к опережающему росту, и с 1990 по 1995 год увеличилось в 7 раз. Параллельно стремительно росло число преступлений, связанных с оборотом наркотиков (что во всем мире является показателем развития организованной преступности). В то же время рост доли преступлений, совершенных рецидивистами, – является индикатором тенденции к своего рода

"профессионализации" криминальной деятельности. Наконец, шел явный рост в составе правонарушителей удельного веса лиц без постоянных источников доходов.

Таким образом, налицо факт безусловного роста ядра криминального сообщества России, состоящего из уголовных "профессионалов", а также рост его периферии за счет "экономических" маргиналов. При этом, по данным статистики, важнейшими особенностями российского криминалитета по сравнению с развитыми странами является, во-первых, сравнительно слабое развитие "сложных" типов криминального бизнеса (компьютерные и налоговые преступления, индустрия кражи автомобилей и пр) и, во-вторых, наличие в стране очень массивной "околокриминальной периферии", усвоившей криминальную психологию (в том числе – враждебное отношение к власти). В этом отношении ситуация в нынешней России начинает опасным образом походить на описанную выше, предшествовавшую российским революциям.

Отсюда можно (пусть и с некоторой долей метафорического преувеличения) сформулировать следующую модель "криминальной социальной динамики" в России.

Криминальное сообщество России, в силу недостаточной зрелости и "институционализированности", находится в отношении большинства зарубежных криминальных структур в ситуации "догоняющей криминализации". В то же время внутри нашей страны "опережающая криминализация" идет, прежде всего, в сегменте экономической и бюрократической элиты, в то время как группы лиц наемного труда в этом плане от указанных "лидеров" заметно отстали. А потому в перспективе можно ожидать, что на смену нынешнему рабочему классу, который, в своей массе, не осмеливается бросить серьезный вызов администрациям предприятий (и, тем более, правоохранительным аппаратам), – в России придет существенно криминализованный рабочий класс. Который, как это было 100 лет назад, приобретет массовую способность и склонность действовать вопреки закону. И который будет представлять собой социально-психологический тип, гораздо более близкий к типу "чеченского боевика", чем законопослушного рабочего "советской выделки".

Естественно, любые кризисные экономические и политические явления этот процесс будут ускорять. Ускорит его и свертывание в стране системы социального обеспечения (процесс будет тем мощнее, чем более резким и решительным окажется такое свертывание).

Подчеркнем, что криминализация хозяйственно-экономического пространства – явление широко известное и характерное вовсе не только для России, так называемых "постсоветских" стран или стран "третьего мира". Проводимые много лет (различными группами экспертов и по различным методикам) исследования в различных регионах мира показывают, что практически нигде доля теневой экономики в ВВП не оказывается ниже 15%, причем доля теневой экономики в ВВП практически повсеместно в мире (включая наиболее развитые страны) неуклонно растет.

Но рост удельной массы теневой экономической деятельности – неизбежно приводит к такому явлению, как общая криминализация предпринимательского сознания. По сути, в предпринимательской среде идет неуклонный "негативный социокультурный отбор". Причем, как показывают громкие корпоративные скандалы последнего времени ("Энрон", "Артур Андерсен", "Хэллибертон", "Пармалат" и т.д.), процесс такого негативного отбора уже в очень высокой степени затрагивает даже высшие страты предпринимателей и менеджеров в наиболее развитых странах. Те самые страты, для которых незаконное (нелегитимное) экономическое поведение еще недавно считалось категорически недопустимым хотя бы с точки зрения "репутационных рисков".

7.2. Российская преступность в общемировом криминальном контексте

Во всем мире в сегодняшнюю эпоху наркобизнес, как правило, является ядром криминального бизнеса. Финансовая сила криминального сообщества той или иной страны или региона в современных условиях почти всегда пропорциональна мощи этого "наркоядра", то есть масштабам контролируемой им наркоторговли.

Наркооборот на территории России пока что (относительно!) невелик. Поэтому и финансовая сила российского криминального сообщества не слишком значительна. Невелика, соответственно и его способность массово экспортировать капитал из России и оказывать серьезное влияние на мировую криминальную обстановку. Российский преступный мир еще не является международно значимым финансовым фактором. Реально доля российского криминального сообщества в ВВП, учитывая структуру его операций (и, прежде всего,

неразвитость наркобизнеса), – меньше, чем в развитых странах в среднем и в США, в частности. А так как ВВП России весьма невелик, то и абсолютный финансовый ресурс российского криминалитета также, по мировым меркам, достаточно скромнен.

Это касается, отметим, не только криминалитета. Российское легальное предпринимательское сообщество, как потенциальный экспортер капитала, находится в весьма невыгодном положении из-за того, что курс рубля занижен против паритета его покупательной способности минимум в 3 раза. Но это же самое обстоятельство дает крупную "фору" зарубежным инвесторам в Россию. И в принципе, нельзя исключать такой сценарий, когда внешние преступные сообщества попытаются скупить основную часть активов экономики России, включая земельный фонд. Тогда Россия начнет экономически превращаться в колонию международного криминалитета, или в "поле битвы" между отрядами международной преступности.

На первый взгляд, это кажется совершенно невозможным. Ведь в России есть не только правоохранительные органы (на которые, впрочем, возлагают все меньше надежд), но и своя оргпреступность, которая не допустит на свою территорию зарубежных конкурентов. Однако дело в том, что в России – относительно слабая и относительно бедная оргпреступность. Кроме того, в отношении борьбы с организованным криминалитетом, имеющим мощную зарубежную базу и поддержку, возможности российских правоохранителей весьма и весьма ограничены.

Нетрудно предвидеть, что при появлении в российском криминальном сообществе мощного и практически неуязвимого из самой России организующего ядра зарубежного происхождения (историческая аналогия – сицилийская мафия, которая в свое время составила ядро американского криминального сообщества) – потенциал влияния такого криминального сообщества на административные и правоохранительные сферы резко возрастет. По тем же причинам эффективность борьбы с так организованным криминальным сообществом в целом – снизится. И тогда вовсе нельзя исключать, что криминализация политики, экономики, населения страны (на фоне маргинализации общества) полностью выйдет из-под властно-государственного контроля.

Далее почти наверняка восстановится (как это было в тех же США) острая конкуренция между "внешними" и внутренними оргпреступными сообществами. Причем этот процесс почти наверняка будет идти как на уровне страны в целом, так и на уровне отдельных регионов, которые превратятся в "поля боя" между местными и "чужими" оргпреступными группами.

Не говоря о том, что сколько-нибудь нормальная жизнь и хозяйствование в таких условиях, скорее всего, окажутся невозможны, – в XXI веке мир не потерпит появления на одной седьмой части суши "криминальных королевств" с ядерным оружием.

7.3. Приватизация ЖКХ как возможный фактор форсированной социально-экономической криминализации в России

В связи с кризисным состоянием экономики России и незначительным количеством эффективных предприятий – прибыльное легальное ("отмывочное") помещение капиталов, полученных в результате криминальной деятельности, в настоящее время оказывается в нашей стране сопряжено с серьезными проблемами. Положение, однако, может радикально измениться в случае предполагаемой приватизации российского жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ).

Заметим, что налаживание сложного современного производства и обеспечение его эффективной эксплуатации – как правило, криминальным элементам и группам не под силу. Они, за редкими исключениями, избегают даже прямого участия в торговых операциях, предпочитая доход от рэкета или, в крайнем случае, – "акционерные" прибыли от контроля за предприятиями или финансового участия в их капитале. Однако с ЖКХ дело обстоит несколько иначе. Криминальный собственник вполне в состоянии коммерчески эффективно (разумеется, со своей точки зрения) эксплуатировать объекты ЖКХ, и особенно жилфонд. Причем такие объекты для криминалитета тем более привлекательны, чем более либерализован режим оплаты услуг ЖКХ.

Подчеркнем, что в качестве владельца ЖКХ криминальный собственник имеет несомненные конкурентные преимущества перед любым другим собственником. Хотя бы потому, что располагает "специфическими" каналами воздействия на пользователей услуг ЖКХ и может реально добиваться от них оплаты этих услуг по монополюно высоким ценам. Соответственно, криминальные сообщества готовы, в ходе приватизации, платить за объекты ЖКХ больше, чем другие приобретатели. Это обстоятельство является одной из главных причин того, что система

коммунального хозяйства почти повсеместно либо жестко контролируется государством, либо является собственностью муниципалитетов и эквивалентных им административных единиц.

Реформа ЖКХ в том весьма либеральном варианте, в каком она задумана в России, автоматически делает ЖКХ весьма привлекательным для криминального инвестора. Соответственно, при существующих экономических условиях следует ожидать, что при приватизации ЖКХ – контроль над его значительной частью в России постепенно перейдет в руки собственников из преступных сообществ. А поскольку в климатических условиях России бесперебойное пользование услугами ЖКХ входит в "пакет жизненно необходимого" даже для подавляющего большинства маргиналов, для российского криминального сообщества доходы от его эксплуатации могут стать почти такой же "золотой жилой", как доходы от наркобизнеса для криминальных предпринимательских сообществ наркопроизводящих стран и развитых государств (в том числе, США). Можно ожидать, что такие доходы дадут российскому криминалитету ту мощную финансовую силу "международного масштаба", которая пока что у него отсутствует.

Но этим дело не ограничится. Переход контроля над ЖКХ к оргпреступным сообществам позволит криминалитету оказывать решающее влияние на местные (и не только на местные) выборы. И, следовательно, очень быстро сделает криминальное сообщество России политически крайне значимым фактором. В этом случае легитимной политической элите России придется самым прямым и наглядным образом "делить" власть с криминальным сообществом – до тех пор, пока и поскольку не будет произведен возврат к нормальному положению. Последнее, однако, если "козла уже пустят в огород" (если представители криминального сообщества смогут установить контроль над значительной частью ЖКХ), будет очень и очень непростым (причем не только с точки зрения законных юридических процедур) делом.

Таким образом, приватизация ЖКХ, в условиях наличия и разрастания в стране мощного организованного криминалитета, по своим последствиям может стать буквально "революционным" преобразованием условий существования российского общества. В первую очередь, она приведет к резкому снижению возможностей влияния власти на общество, при одновременном (причем прогрессирующем) повышении социального конфликтного потенциала. Процесс этот будет идти, конечно же, неравномерно. В каких-то регионах и политических и экономических центрах ситуация, быть может, покажется почти благополучной. Но в отдельных регионах и городах (видимо, прежде всего, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере) она наверняка почти мгновенно приобретет критический или даже взрывной характер.

Глава 8. Некриминальная маргинализация общества и ее влияние на экономику

8.1. Структура и динамика маргинальной социальной среды

Как ни велика роль криминального сообщества в качестве ядра маргинальной социальной системы, весьма существенное значение имеют и другие его элементы (или, точнее говоря, подсистемы). В грубом приближении в совокупном маргинальном сообществе можно выделить экономических, культурных и социальных маргиналов.

Экономические маргиналы – это те, кто не располагает достаточными для нормального образа жизни легитимными источниками существования. При таком определении в эту категорию попадают и криминальные маргиналы. "Чистые экономические маргиналы" – это все экономические маргиналы за вычетом таковых, имеющих доход от криминальных практик. Отметим, что часть криминальных маргиналов может и не попадать в категорию экономических маргиналов. Это те, кто имеет легитимные источники доходов, достаточные для нормального существования, но основные интересы направляет в сферу криминальной деятельности.

Тип социального маргинала в чистом виде – это так называемый "деклассированный элемент". Сюда также относится большинство криминальных маргиналов. И сюда же должна быть отнесена большая часть тех лиц, которые периодически прибегают к криминальным практикам как по экономическим мотивам, так и в силу общей антисоциальной установки. Например, такова значительная часть так называемых "хулиганов", алкоголиков, наркоманов. Сюда же следует отнести и группы населения, "выпавшие" из системы нормального социального воспроизводства (или не включившиеся в нее), не связанные с устойчивыми социальными практиками. В том числе "бомжи", значительная часть мигрантов (в первую очередь, нелегальных).

В категорию социальных маргиналов должны быть отнесены также больные неизлечимыми болезнями, не способные воспользоваться соответствующей поддержкой общества. В том числе, видимо, большинство (по крайней мере, в России это в настоящее время так) ВИЧ-инфицированных и больных СПИДом. В связи с этим подчеркиваем, что при сохранении нынешних тенденций количество "социальных ВИЧ-маргиналов" в нашей стране в перспективе 5-10 лет может сравняться с количеством уголовных маргиналов.

Наконец, третий тип маргиналов – это "культурный маргинал". То есть, носитель особой субкультуры, препятствующей нормальной социальной интеграции. Сюда могут быть отнесены, прежде всего, носители криминальной субкультуры, носители субкультур алкоголизма (очень распространенный в России тип), наркомании, анархизма, политического абсентеизма, наконец, "субкультуры" устойчивого недоверия к власти (в том числе – в варианте активно враждебного отношения к власти и ее структурам, аналогичного отношению к власти в уголовных сообществах). И здесь нельзя не напомнить, что наличие "субкультуры" активно-враждебного отношения к власти – необходимое условие развития любого политического кризиса типа революции. В том числе – российских революций начала XX века.

Наличие мощного криминального сообщества, в качестве своего рода системного противовеса "власти", везде и всегда является фактором, способствующим росту численности социальных и культурных маргиналов. Заметим, что его наличие косвенно стимулирует и рост численности экономических маргиналов.

Процесс, в общем виде, развивается следующим образом:

- давление экономической обстановки массово создает экономического маргинала; чем более многочисленны экономические маргиналы, тем больше социальных маргиналов и тем быстрее растет криминальное сообщество; это способствует расширенному воспроизводству социальных и культурных маргиналов;

- социальные и культурные (некриминальные) маргиналы также непосредственно порождаются воздействием находящейся в кризисе социальной среды; их наличие в каждый данный момент является фактором, способствующим росту криминального сообщества и генерации экономических маргиналов;

- наличие социальных, культурных маргиналов и криминального сообщества, в свою очередь, оказывает негативное влияние на эффективность работы административных институтов, на предпринимательское сообщество, неуклонно повышает всевозможные конъюнктурные риски и, в силу всех перечисленных причин, снижает эффективность экономического механизма и экономики в целом; это, в свою очередь, приводит к росту числа экономических маргиналов и далее к росту числа социальных маргиналов и "мощности" криминального сообщества, и т.д.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с системой, характеризующейся сильными так называемыми "положительными" обратными связями, что не может не приводить к ее расширенному самовоспроизводству.

Утрату социальной стабильности обычно связывают с процессами развития ярко выраженных, взрывных социальных и экономических кризисов. Однако социальная стабильность может очень существенно падать и в результате "ползучего" процесса маргинализации общества. Здесь представляется уместной аналогия с процессом разрастания раковой ткани. В котором истощение организма и утрата им работоспособности происходят, как правило, еще до того момента, когда феномен раковой опухоли стал очевиден.

8.2. Основные факторы и тенденции социальной маргинализации в Новой России

Наглядным показателем масштаба распространения в нашей стране типа экономического маргинала является численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. По данным Госкомстата, лица с доходами ниже прожиточного минимума составляли в России: в 1992 г. – 33,5%, в 1997 г. – 20,7%, в 1999 г. – 28,3%, в 2002 г. – 25,0% населения. Причем в российском случае официальный прожиточный минимум фиксируется на уровне фактической полной или частичной экономической маргинальности. В связи с этим нужно сказать, что недооценка социально-экономической дифференциации (и вытекающей из нее массовой маргинализации) как фактора системной общественной и государственной неустойчивости – опасная тенденция нынешней России. Еще Платон (несмотря на свое подчеркнутое презрение к

тому, что ныне называют демократией) в своих трактатах писал, что четырехкратное превышение доходов богатых над доходами бедных, – грозит смутой.

В современных развитых рыночных странах верхней границей социально-государственной (а, следовательно, и экономической) устойчивости считается превышение доходов 10% самых богатых над 10% самых бедных (децильный коэффициент ДК) на уровне 8-10. У нас же в России ДК в позднесоветское время (причем с учетом "неформальных доходов" номенклатурной прослойки) составлял около 4,6. Далее, по данным Госкомстата (как считает большинство экспертов, заниженным примерно вдвое за счет неучета теневых доходов "богатых") ДК в 1994 г. достиг 15. В 2000 г. он несколько снизился (до 13,5), а к 2003 г. поднялся до 14,3. Но очень многие аналитики дают оценки ДК в России на 2002-2003 гг. 24 – 28. Так что социальная масса для генерации экономических маргиналов в стране очень велика.

Дело, прежде всего, в том, что слом советской системы социальных гарантий при переходе к рынку произошел форсированно и без создания новой системы гарантий. Но одновременно открытие российского экономического пространства (располагающего в большинстве случаев устаревшими технологиями и ничтожным оборотным капиталом) – поставило национальных производителей в ситуацию, когда почти единственным способом сохранения конкурентоспособности оказывалось снижение цены труда. В результате, при значительном снижении в постсоветское время объема ВВП, доля зарплаты в ВВП в 1992-1999 г. упала с 50% до 30%, а к 2003 г. снизилась до 29% (норма этого показателя в развитых странах мира – 50-60% ВВП). Подобная ситуация поставила бы огромные массы российского населения (прежде всего, молодежи) за грань выживания, – если бы не так называемая "неформальная" занятость. И, значит, если бы не неуклонный рост удельной массы и влияния (экономического, социального, политического) теневого – криминального и субкриминального – сегмента экономики.

Таким образом, выживание большей части наиболее активной группы общества просто невозможно без вовлечения в криминальные практики. При этом 70-80% российских пенсионеров испытывает постоянную и острую нехватку денежных средств и представляют собой своеобразный тип "чистого" экономического маргинала, формально имеющего постоянный источник дохода. В целом из 145 млн. населения – 57-62 млн. чел., то есть около 40%, в сегодняшней Новой России оказываются экономическими маргиналами. Напомним, что, по существующим оценкам, Старая Россия "опрокинулась, когда общая масса (городского и сельского) "бедствующего люда" составила 50-60% всего населения. Отсюда следует вывод: при нынешних социально-экономических тенденциях "критический порог" массы экономических маргиналов может быть в России достигнут достаточно быстро.

Еще один мощный фактор, способствующий массированной генерации экономических, социальных, культурных и криминальных маргиналов, – безработица. Напомним, что высокий уровень безработицы в период "Великой депрессии" за несколько лет довел сверхблагополучные США до грани острого социального кризиса. Именно поэтому на Западе пособия по безработице достаточны для минимально сносной жизни семьи. Но сегодняшние пособия по безработице в России столь мизерны, что российский безработный чаще всего даже не хочет регистрироваться в службах занятости. Таким образом, в Европе (в том числе развитых странах Восточной Европы) действие механизма превращения безработных в маргиналов сравнительно надежно заблокировано. А у нас этот механизм работает на полную мощность.

Причем ситуация особенно тревожна в "депрессивных" регионах, где общий уровень безработицы, даже по заниженным официальным оценкам, составляет многие десятки процентов. Эти российские регионы, с учетом общероссийского спроса на рабочую силу и реальных возможностей "трудовой мобильности", не в состоянии "экспортировать" свои избыточные трудовые ресурсы вовне. А вот заражать окружающее пространство криминальной активностью они могут. Что, как мы видим по криминальным сводкам, происходит во все больших масштабах.

В нынешнем правительстве описанных выше обстоятельств – похоже, во внимание не принимают. Судя по бюджетным проектировкам, расходы социального характера рассматриваются, скорее, как подлежащий искоренению "пережиток социализма", либо просто как фактор, препятствующий эффективному функционированию рыночного механизма. Общая

тенденция в "социальном" сегменте российской экономики следующая. ВВП в номинальном выражении растет, но социальные расходы при этом заметно снижаются.

Сторонники этой тенденции явно упускают из вида "проблему маргиналов". То есть, проблему необходимости блокировать процессы их генерации и свести к приемлемому минимуму уровень маргинализации общества на перспективу.

8.3. Российские социальные тенденции и реакции делового мира

Часто говорят, что политика снижения социальных расходов (и, соответственно, налогов, в том числе единого социального налога), насущно необходима для привлечения инвестиций и повышения прибыльности российского бизнеса. А затем, мол, поднявшийся бизнес создаст новые рабочие места, наполнит бюджет и позволит эффективно решать социальные проблемы.

Однако российскому бизнесу нужна не только высокая прибыльность. Ему еще нужны дешевый кредит, эффективная фондовая биржа (не занижающая многократно стоимость активов) и низкий уровень конъюнктурных рисков. А все это оказывается невозможно, если нет долгосрочных гарантий социальной стабильности. Стратегическому инвестору в крупные проекты с полным циклом (инвестиции – амортизация вложенного капитала – получение прибыли в размерах, делающих рентабельным инвестиционный проект) нужна уверенность в том, что через 10 или 15 лет все в России останется на своих местах. Что острых социальных кризисов не будет. Что политическая ситуация не претерпит радикальных изменений. Что можно с достаточной степенью надежности прогнозировать динамику рынков.

Такой уверенности можно добиться единственным способом – заблокировав действие механизмов социально-экономической дестабилизации и, прежде всего, массовую генерацию маргиналов. Единственный надежный способ решения данной проблемы, как показала мировая история, – это сильная (и, значит, достаточно затратная) социальная политика. Вот поэтому и правительства, и деловой мир развитых стран воспринимают высокие налоги и сильную социальную политику как "необходимое зло".

Но в настоящее время политика российских реформ (особенно в части неуклонного демонтажа системы социального обеспечения) является мощным генератором новых масс маргиналов. Деловой мир не может на это не реагировать. Он видит, что в России отсутствует тот ресурс социальной стабильности, который способен сделать ее привлекательной для внутренних и для внешних инвесторов – несмотря на более высокую норму прибыли, чем в большинстве других регионов мира. Соответственно, капитал уходит из России, невзирая на попытки правительства повысить эту норму прибыли и привлечь инвесторов путем снижения налогов.

Но расширенной генерацией экономических маргиналов (и их растущим негативным влиянием на экономику) проблемы делового мира в России не ограничиваются. Параллельно в России шел процесс генерации социальных и культурных маргиналов.

Во-первых, не могло не сказаться вопиющее несоответствие результатов реформ обещаниям, которые давались населению в процессе развертывания реформ.

Во-вторых, практически все (в том числе, наиболее успешные) слои общества понимают, что характер приватизации оказался крайне несправедливым или полукриминальным. Что ставит под принципиальное сомнение (даже если к этому нет формальных юридических оснований) легальность почти всей российской частной собственности.

В-третьих, на этом фоне особенно психологически болезненно воспринимается свертывание (без убедительных для большинства причин) системы социального обеспечения.

В-четвертых, разрушение традиционных представлений, согласно которым между трудом и уровнем дохода должна быть связь, – не может не сказываться в форме криминализации массового сознания. Как минимум – на массовом отрицании очень важного для любой нормальной экономической деятельности принципа "не укради".

В-пятых, все перечисленное приводит к неуклонному снижению авторитета всех ветвей и уровней российской власти. Произошла буквально катастрофическая (а в России, в том числе, в эпоху СССР, это было очень важно) десакрализация власти.

В-шестых, одновременно происходит очень быстрая утрата авторитета всеми сегментами российской элиты – бюрократической, предпринимательской, культурной, научной, военной и т.д.

В-седьмых, в российском массовом сознании происходит гигантская девальвация ценностей либерально-демократической идеологии. Вера в нее у общества в целом, как показывают все сегодняшние социологические исследования, практически утрачена. А поскольку другой, альтернативной, идеологии нет – российский "массовый человек" оказался социально и психологически "без руля и без ветрил".

Все это – не может не порождать в стране, причем в прогрессирующих масштабах, социальных и культурных маргиналов. Причем этот процесс не может не "подхлестываться" самим фактом наличия и "социально-экономической успешности" мощного криминального сообщества. Которое характеризуется своей собственной внутренней динамикой и непрерывно втягивает в свое окружение все более массивную "периферию" из маргинализирующихся и полукриминальных элементов.

Когда процесс "растворения" экономических маргиналов в маргиналах социальных и культурных заходит достаточно далеко, агрессивность маргинального сообщества возрастает и, соответственно, вероятность социальных кризисов увеличивается. При этом, естественно, растут масса и возможности (абсолютные и относительные) криминального сообщества. Кроме того при усвоении сообществом экономических маргиналов поведенческих стереотипов социальных и культурных маргиналов – происходит их "горизонтальный перелив" в околomarгинальные слои и, прежде всего, в массу рабочего класса. Когда такой перелив зашел достаточно далеко, можно сказать, что "кризисные декорации поставлены", и "революционный спектакль" готов начаться.

Что это все вместе означает для деловой среды?

Процессы маргинализации, сопровождаемые ростом криминального сообщества, автоматически начинают влиять на экономику в целом, безотносительно к тому, возможен ли или нет в кратко-среднесрочной перспективе острый социальный кризис.

Во-первых, при наличии более или менее крупного криминального сообщества автоматически возрастает уровень конъюнктурных и инвестиционных рисков, что оказывает парализующее влияние, в первую очередь, на инвестиционную сферу.

Во-вторых, существование крупного криминального сообщества всегда предполагает, что издержки по его содержанию в основном несет экономика в целом. Она вынуждена уплачивать криминальному сообществу регулярную "дань".

В данном случае, разумеется, прежде всего, приходит в голову разного рода криминальный рэкет, размах которого в России постоянно растет. Причем наиболее серьезное обстоятельство – то, что значительная часть социальных масс уже считает подобные криминальные поборы с "капиталистов" почти "справедливой нормой". Однако фактически именно экономика в целом вынуждена уплачивать криминальному сообществу своего рода криминальный налог. Размеры этого налога, судя по тому, что в криминальные практики в нашей стране уже втянуто несколько миллионов человек, никак не меньше 5% ВВП (по ряду оценок – до 10-12% ВВП, то есть сопоставимо со снижением Единого социального налога).

Таким образом, чем меньше затраты на социальное обеспечение (и чем меньше налоговые изъятия для его покрытия), – тем больше уровень маргинализации общества, и тем активнее криминальное сообщество. И, значит, тем выше "налог", выплачиваемый экономикой криминальному сообществу, и тем выше связанный криминалом уровень конъюнктурных рисков. Поэтому заявления о том, что экономика России безусловно выиграет от снижения социального налога – крайне неубедительны. Вначале, из-за высокого уровня инвестиционных рисков, вероятно, просто возрастет экспорт капитала. Затем, когда снижение социального налога и социальных затрат даст "побочный продукт" в виде умножения маргиналов и роста криминального сообщества, последнее увеличит объем дани с экономики. И, таким образом, опосредованно превратится в основного "бенефициара" дивидендов от социального налога.

В-третьих, по мере роста криминального сообщества – происходит неизбежная криминализация предпринимательского сообщества. Соответственно, снижается его эффективность, конкурентоспособность и склонность к инвестициям в производственный сектор экономики (особенно – в капиталоемкие проекты). Социальный контекст для нормальной рыночной экономической деятельности оказывается предельно неблагоприятным. В том числе, – потому, что одной из очень больших трудностей любого законного бизнеса оказывается поиск не

просто эффективных, а по-человечески надежных контрагентов для любых операций. То есть, предпринимательская деятельность оказывается сопряжена с неприемлемыми (даже при очень большой норме прибыли) трансакционными издержками.

В-четвертых, массовая маргинализация и теневая экономика, как уже сказано выше, – "близнецы-братья". Растет маргинализация общества – растет и теневая экономика, отвоевывая (она ведь налогов, регистрационных сборов и т.п. не платит!) все более крупные ниши на рынках у легального законопослушного бизнеса.

В-пятых, в обществе с высоким уровнем маргинализации – невозможна эффективная администрация. Чиновник, родственники которого являются маргиналами (или которым угрожает маргинализация), всегда склонен к использованию служебного положения. Древняя китайская поговорка не случайно гласит: "В голодном уезде нет честного человека". Как не случайно и древнее китайское пожелание недругу: "Чтоб тебе жить в эпоху перемен".

Важной и неотменимой особенностью обществ с высоким уровнем маргинализации является общая нестабильность. В таких обществах постоянно что-то реформируют. То есть, это – общества с высокими административными рисками. И взятки в таких обществах берутся примерно по той же причине, по какой сурок делает запасы на зиму. Чиновник в обществе с высокими административными рисками понимает, что сегодня он привилегированное лицо, а завтра вовсе не гарантирован от того, что свалится в маргинальную пропасть.

Советский чиновник, при всех его описанных выше недостатках, "не брал" (или "брал" относительно мало) именно потому, что он, практически, мог не опасаться превращения в маргинала. Но в условиях высокого уровня маргинализации общества и низких социальных затрат – проблема взяточничества и практически, и теоретически до конца не решается.

Значение всего этого для экономики очевидно.

8.4. Механизм маргинальной дестабилизации общества и современные российские реалии

Особенность российских революций состояла в том, что маргинализированные массы с полукриминальной психологией были сосредоточены в столицах, причем в 1917 г. они получили мощное подкрепление в виде гарнизонных солдат, являвших собой, в значительной части, чуть ли не чистый тип социального маргинала.

Современная обстановка в России – принципиально другая. Прежде всего, большая часть маргинальной массы сосредоточена на территориальной периферии. Кроме того, в нынешней России налицо очень сильные колебания уровня маргинализации общества по горизонтали.

Если сравнивать долю экономических маргиналов в нынешней России (количество лиц с доходами ниже прожиточного минимума) с положением в других странах, получается следующее:

В России в 2002 г. таковых около 25%.

За пределами России к концу XX века:

В благополучных странах: - в США – 11,3%; в Германии – 9,1%; в Италии – 11%; в Финляндии – 5%; в Японии – 4%;

В неблагополучных странах: - в Аргентине – 17,6%; в Бразилии – 22%; в Египте – 23%; в Алжире – 23%; в Индонезии – 27%; в Пакистане – 34%; в Нигерии – 34%; в Индии – 35%.

Россия оказывается "в одной компании" с весьма неблагополучными странами. Между тем, в Аргентине (где несколько лет назад дело дошло до крупного социально-политического кризиса) – доля в населении лиц, находящихся за чертой бедности, существенно меньше, чем в России. Значит, сравнительно небольшой дальнейший рост числа бедных в стране – вполне может создать значительный по масштабам потенциал социальной нестабильности.

Но в ряде регионов России критический уровень экономической маргинализированности общества уже превышен (например, в ряде республик Северного Кавказа). И есть немало регионов, где этот уровень находится в "околокритической" зоне. Это значит, что между условиями проведения реформы в Москве или, например, в Кабардино-Балкарии, или даже на Дальнем Востоке – лежит социальная пропасть. Чеченский кризис по своему происхождению непосредственно связан с описанными проблемами (хотя, разумеется, к этим проблемам не сводится). В ряде других регионов Северного Кавказа ситуация находится на грани острого

кризиса. Связь этого обстоятельства с высоким уровнем безработицы и, соответственно, маргинализации местного населения – также очевидна.

При этом наблюдается такое явление, как возникновение в окрестностях очага первичного острого социально-политического кризиса (Чечня) вторичных кризисных зон, и постепенное превращение почти всего Северного Кавказа (в первую очередь, его горной части) в единую зону социально-политического и экономического кризиса. Эта зона к настоящему времени (осень 2004 г.) неуклонно идет к реальному выпадению из общероссийского правового поля.

А данное обстоятельство, помимо описанных проблем, создает еще одну, чрезвычайно важную с точки зрения региональной экономики. Почти на всем Северном Кавказе, в зоне кризиса (то есть сверхвысоких инвестиционных рисков), никакие солидные производственные инвестиции, кроме государственных (или под надежные государственные гарантии), – до ликвидации описанного "кризисного фона" нереальны. При этом нужно подчеркнуть, что никакие успехи международного террора или иностранных спецслужб в регионе были бы невозможны, если бы не благоприятный для их деятельности местный, глубоко кризисный, "социальный фон".

Как мы уже говорили выше, "пролетарская революция" в Москве и Санкт-Петербурге невозможна. А вот "кавказизация" России, то есть возникновение, по мере роста массы маргинальных элементов, множественных очагов их вышкритической концентрации, с дальнейшим развитием в этих очагах социального, политического и, как следствие, экономического кризиса – в свете описанного отнюдь не исключена. Можно предполагать возможность возникновения таких очагов, в перспективе 3-8 лет, в Поволжье, в Сибири, на Дальнем Востоке (в регионах, где сегодня высока и растет явная и скрытая безработица).

Еще раз подчеркнем следующее важное обстоятельство.

Нынешний вариант российских реформ исходит, в неявной форме, из того, что сопротивление курсу реформ возможно только со стороны организованного оппозиционного сектора общества. Не принимается в расчет, что реформы не просто так или иначе влияют на положение масс, но одновременно могут стать фактором ускоренного формирования маргинального сообщества (в том числе, в глубоко криминализованном варианте). И что именно "неорганизованные маргиналы", при незначительных целенаправленных (или даже стихийных) иницилирующих импульсах, могут создать обстановку острого кризиса сначала в отдельных точках России (что, отчасти, уже налицо), а затем и на более обширных территориях.

Глава 9. Арифметика и алгебра рынка и "пространственный фактор" российской экономики

В зеркале неоклассической теории рыночное хозяйство выглядит очень просто. Есть некий единый и однородный рынок, различия между финансовыми и нефинансовыми рынками и вообще между разными рынками игнорируются, проблема конъюнктурных рисков не рассматривается. Инвестиционная проблема игнорируется, как если бы все рыночное хозяйство базировалось на малокапиталоемких технологиях, пространственный фактор и проблема транспортных издержек – не учитываются. Эти допущения и упрощения, с теоретической точки зрения, имеют определенный смысл, поскольку позволяют описать действительно фундаментальную для условий хозяйства систему факторов, определяющих его рыночную природу.

Что же касается практиков, то они все факторы, которые "неоклассика" игнорирует, – понимает, в той или иной степени учитывают. В конкретном российском случае – особого учета требует, в частности, фактор особенностей экономического пространства. Причем сразу в двух отношениях: как с точки зрения его пространственной (географической) протяженности, так и с точки зрения чрезвычайного разнообразия локальных природных, этнокультурных, социальных, инфраструктурных и т.д. условий.

Применительно к условиям экономики, управлявшейся административными методами, хозяйственная система России в момент начала реформ, действительно, представляла собой единое образование. Но если рассматривать ее применительно к условиям рынка, она в момент начала реформ представляла собой совокупность различных экономических модулей, отношения между которыми регулировались, как бы, чрезвычайно дифференцированными таможенными

пошлинами. Конечно, в реальности никаких подобных пошлин не было. Но были административные регулирующие воздействия, создающие аналогичный пошлинам эффект.

Примерно то же самое было и в масштабах СССР. Но республиканские экономические модули в момент распада обособились и стали жить по своим собственным законам. А вот внутрироссийские экономические модули, с их очень разными условиями функционирования, остались в рамках российского экономического пространства. Соответственно, с рыночной точки зрения, после входа в рынок (1992 г.) экономика России представляла собой что-то типа "лоскутного одеяла". А после 1995 г., – на "расползающееся лоскутное одеяло", которое кое-как сшивается "нитками" в виде системы предприятий федеральной собственности и, в особенности, общегосударственных транспортных коммуникаций и естественных монополий.

В первом приближении, в России можно выделить следующие основные модули с различными условиями функционирования рыночного механизма:

1. Столичный модуль (Москва и Санкт-Петербург), который одновременно является финансовым центром страны.

2. "Сырьевые и материалопроизводящие модули", в которых объем добычи сырья достаточен для их финансово автономного экономического существования в условиях рынка (сюда относится Уральский Федеральный округ и, с оговорками часть Сибири).

3. Горы и предгорья Северного Кавказа, где экономическая база чрезвычайно скудна, а эффективная предпринимательская деятельность, отвечающая современным стандартам, по причине высоких конъюнктурных рисков в настоящее время практически невозможна.

4. Дальний Восток, который в значительной мере "отрезан" от остальной части страны высоким уровнем транспортных издержек.

5. Север (который еще более отрезан высокими транспортными издержками и располагает "очаговой" хозяйственной системой, неспособной к эффективному функционированию в высоколиберализованном рыночном режиме).

6. Поволжье, со смешанной экономикой, обладающей довольно высоким потенциалом эффективности, но также "по географии" практически отрезанной от мировых рынков.

7. Дон – Предкавказье, где природные условия благоприятствуют, прежде всего, ведению эффективного сельского хозяйства.

Европа, как известно, шла к созданию общего рынка несколько десятков лет. В России "общий рынок" создали в 1991-1992 гг. одномоментно "волевым усилием власти" из территорий, радикально отличающихся по условиям функционирования рыночного механизма. Причем создали сразу в высоколиберализованном варианте, что не позволяло нейтрализовать действие фактора локальных различий средствами собственно экономического регулирования.

Далее, "рынок" в России был создан сразу в практически открытом состоянии. Соответственно, составляющие экономику России экономические модули с различными условиями действия рыночных сил – стали адаптироваться не столько друг к другу, сколько к условиям мировой экономики. При этом, естественно, начали возникать и закрепляться вторичные различия между экономическими модулями. Пока что они, в первом приближении, разделились на "валютопроизводящие" и, так сказать, "валютопотребляющие". Или, в самом общем виде, – на "производящие" и "потребляющие". А это – явно не благополучное – положение усугубляется еще и тем, что в России не сложилась единая кредитная система и, шире, единый финансовый рынок. Вдобавок, в стране практически отсутствуют крупные корпорации в обрабатывающей промышленности, способные накрыть "паутиной" своих субподрядных хозяйственных связей экономическое пространство России в целом.

В этой ситуации реакция разных экономических модулей, составляющих хозяйственно-экономическое пространство России, на один и тот же вариант экономической политики, – далеко не совпадает. Соответственно, не совпадают и темпы роста маргинализации (и криминализации) в отдельных регионах, и текущий уровень совокупных социальных, политических и экономических рисков. То есть, практически нормальная или "благополучная" ситуация в Центре – может сочетаться с буквально "взрывной" ситуацией на периферии.

Между тем, нынешняя экономическая политика в России – в целом ориентируется на условия (требования) экономических модулей, лучше адаптированных к рыночным условиям. В

частности, внешнеэкономическая политика правительства и политика цен, в их ключевых аспектах (в том числе, крайняя либерализация экспорта, политика высоких энергетических цен при заниженном курсе рубля, ориентация на вступление в ВТО, подписание Киотского протокола), – явно более выгодны для регионов, доходы которых формируются в цикле производства и транспортировки нефтегазового сырья, чем для всех остальных регионов страны. Сам же либерализованный режим функционирования экономики России – более выгоден, прежде всего, для столичного региона, а также для регионов, производящих сырье и полуфабрикаты на экспорт (в первую очередь, опять-таки, для нефтегазопроизводящих регионов).

Таким образом, единая экономическая политика проводится в России в условиях "лоскутного" характера экономического пространства. И, поскольку эта "лоскутность", скорее, усугубляется, такой процесс может, в конце концов, привести просто к разрыву "хозяйственного лоскутного одеяла" на клочки. И тогда вовсе не факт, что вслед за этим не начнет "трещать по швам" и единое российское "политическое одеяло".

Китай столкнувшись в начале процесса "рынофикации" своего хозяйства с проблемами экономической неоднородности страны, пошел по пути создания множества разных локальных моделей экономической политики либерализации. Одна политика – для 14 "открытых городов" и 4 "специальных экономических зон". Другая – для Восточных районов в целом. Третья – для внутренних районов, пребывающих, даже на данный момент, в состоянии "полусоциализма". Еще один особый вариант экономической политики – для сельских районов. Именно проведение локально адаптированной и адресно просчитанной "многомодельной" экономической политики позволило Китаю "войти в рынок" без существенного повышения уровня социальной нестабильности даже на окраинах, отставших от производящих центров на Востоке чуть не на столетие. У нас же в стране пока что, к сожалению, получается иначе.

Представляется, что потребность в широкой административной реформе, причем на началах концентрации административной власти, – возникла именно потому, что Россия столкнулась с деструктивными последствиями высоколиберализованной и не специализированной в локальном плане экономической политики. Проблема, однако, в том, что никакая административная реформа сама по себе – не может исправить принципиальные ошибки в сфере экономической и социальной стратегии. В частности, никакая административная реформа не может снять те социально-экономические контрасты между локальными хозяйственными модулями, которые были "проявлены" форсированным вхождением Новой России в либеральный рынок и усугубляются все постсоветские годы. Для этого требуются именно адресные адаптивные меры, учитывающие и факт, и природу, и конкретную специфику этих контрастов.

Никакая административная реформа не может блокировать маргинализацию российского общества даже при полном уничтожении (что, впрочем, нереально) оргпреступности. Для этого необходим отказ от тех элементов экономической политики, которые ведут в стране к росту экономической, социальной, культурной, криминальной маргинальности.

Пока же Россия, по множеству признаков, оказалась слишком близка к тому опасному пути, по которому она шла 100 лет назад, и по которому пришла к катастрофе революции и гражданской войны. Налицо – насущная потребность в изменении ее социально-экономического маршрута.

Заключение

Когда-то генсек КПСС Юрий Андропов произнес слова "Мы не знаем общества, в котором живем". Уже тогда часть отечественной властной элиты осознала, что нарастающие экономические проблемы страны – в огромной степени проблемы социокультурные. В ходе реформ последнего десятилетия об этом обстоятельстве уже говорят довольно много. Темы "экономика и общество", "экономика и бюрократия", "экономика и власть", как все мы видим, в сфере постоянного и активного обсуждения. Однако при этом, как правило, аналогии и параллели проводят с современным состоянием тех высокоразвитых рыночных стран Запада, на уровень которых хотят вывести Россию творцы реформ. Явно недостаточно учитывается то, что Россия по своей истории, географическому положению, по социокультурным корням и менталитету населяющих ее народов – страна совершенно другая.

Разумеется, у рыночной экономики и правового государства есть общие неотменимые черты, которые в нашей стране не могут не формироваться и не воспроизводиться. Но, помимо этих общих черт, есть у любой страны, у любого народа, то ОСОБЕННОЕ или уникальное, коренящееся в истории и материальной культуре, что неизбежно исключает ее развитие по любым стандартным "калькам" и универсальным рецептам. Россия, которая раскинулась чуть не на весь континент, вобрала в себя множество разных географо-климатических зон и сотни народов с разной исторической судьбой, – не может быть исключением из этого правила.

Сегодня это уже понимают многие. Появляются работы, посвященные особой роли географо-климатических факторов в развитии и перспективах российской экономики. Начинает профессионально обсуждаться тема трансформаций существующих в стране институтов, которые – в качестве неперемennого рамочного условия – необходимы для эффективной работы рынков. Зреет осознание того, что унаследованный от СССР хозяйственно-экономический комплекс обладает очень существенной структурной и иной спецификой, требующей, для его адаптации к работе в условиях рынка, весьма больших и целенаправленных усилий.

Столь же принципиально важны и социальные ограничители, определяющие в ходе любых реформ в любой стране "коридор необходимого и возможного". Общество – не пластичная материя, из которой активная власть может вылепить все, что угодно. Одно из наиболее опасных заблуждений – представление, будто стоит "успокоить" наиболее организованные социальные группы – и общественный порядок, необходимый для успешного реформирования, обеспечен. Исторический опыт показывает, что главными движущими силами революций всегда были именно неорганизованные "пассионарные" массы, и что основным контекстом революций, сметавших власть, везде оказывался почти неуправляемый "низовой бунт". Подчеркнем – почти неуправляемый, почти стихийный. Поскольку, как правило, "семена" этого бунта возникают и созревают не только в социальных низах общества, но и, прежде всего, в тех властно-бюрократических аппаратах, которые, по своему статусу и ролевым функциям, должны быть главной институциональной опорой власти.

По указанным причинам те (в большой части "подспудные") социальные тенденции, которые создает и трансформирует процесс реформ, требуют планомерного и квалифицированного мониторинга и анализа. И, по тем же причинам, социальная политика государства должна быть ориентирована на предотвращение появления "критического" (по численности и радикальности) протестного потенциала не только в организованных явных формах, но и во всех неявных, неформальных, "непрозрачных" структурах и частях отечественного "общественного организма".

За забвение (или недостаточный учет) этого неочевидного, но чрезвычайно существенного "рамочного обстоятельства" Россия неоднократно платила, и очень дорого. И потому мы не имеем права, допустить, чтобы наша страна наступила на подобные "исторические грабли" еще раз. Не можем хотя бы потому, что в складывающемся, очень непростом и тревожном, мировом контексте, еще одной попытке нам может и не представиться.